

БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕКАХ

Москва, 1992

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОЛГАРИСТОВ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВОЛГАРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
ФИРМА "СЕЛЕНА" ФОНДА НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕКАХ

*Тезисы докладов научной конференции
Москва, 26–27 мая 1992 г.*

Москва, 1992

**Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.И.Демина**

ISBN 5-201-00735-8

Институт славяноведения
и балканстики РАН,
1992

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканстики РАН
Подписано в печать 13.04.92. Формат 60x84/16
6,6 печ.л. 6,1 уч.-изд.л. Тираж 150 экз.
Заказ № 29 Цена договорная

Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
117334, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

Раздел I. ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

С.Б.Бернштейн (Москва)

ПАННОНСКИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ IX В.

Слависты (прежде всего русские слависты) проделали очень большую работу по всестороннему изучению сохранившихся текстов, относящихся к жизни и деятельности болунских братьев. После революции в нашей стране эта работа почти прекратилась. Многие ученые вынуждены были покинуть родину и коренным образом изменить тематику своих исследований. В России почти прервалась живая связь филологов с богатейшими собраниями древних славянских рукописей. Последние годы медленно, но серьезно возрождается интерес к кирилло-методиане. Речь однако идет не только о возрождении прежней проблематики, но и о постановке новых проблем. Попытаемся в общих чертах в данной заметке осветить некоторые из них.

ЖК является одним из самых ярких произведений славяно-византийской литературы второй половины IX века. Руководил созданием текста Мефодий. Именно от него его молодые ученики могли узнать о многих фактах интимной жизни стратига Льва и его семьи, о детских годах жизни Константина. В ЖК четко защищаются позиции византийцев по всем вопросам теологии. Необходимо обратить внимание на то, что в ЖК не противопоставляются интересы Византии и Болгарии. Патриарх Фотий близкий друг Кирилла. Так могло продолжаться до тех пор, пока не возникли резкие противоречия между Византией и Болгарией в связи со стремлением Болгарии получить полную церковную самостоятельность, своего патриарха, свою письменность.

Во многих дошедших до нас текстах болунские братья и их ученики называются византийцами. И это справедливо,

так как они последовательно защищали интересы именно Византии. Так было в 60-70-е гг. IX в. в Моравии и Паннонии. Однако постепенно положение стало меняться. Это связано было о тем, что, начиная с начала 80-х годов, интересы Моравии как союзницы Византии в данном пункте утратили для Болгарии всякий интерес. Наоборот, они стали враждебными. Именно в этот период текст **ИМ** должен был подвергнуться многочисленным исправлениям и дополнениям. Это и было осуществлено во второй половине IX в. Надо думать, что в переработке текста **ИМ** непосредственные ученики Мефодия участия не принимали. Не принимали они участия и в создании кириллицы. Глаголика для них была священным письмом. По указанию Симеона молодые деятели славянской письменности приступили к основательной переработке **ИМ**, обнаружив слабую подготовку. Интерполяции в **ИМ** выполнены небрежно, с многочисленными ошибками. Была написана специальная глава (XIII), содержащая много недостоверных сведений. В свое время Ягич показал, что автор XIII главы **ИМ** совсем не знаком с правилами византийского церемониала приема императором. Выдающийся знаток кирилло-методиевских текстов Дворник писал: "Ни одно место в **ИМ** не возбудило столько сомнений, как это путешествие в Константинополь". Главная задача XIII главы **ИМ** состояла в том, чтобы, во-первых, освятить именем Мефодия болгарскую церковь, во-вторых, показать, что славянская письменность и славянское богослужение получили распространение в Болгарии еще до прибытия туда учеников Мефодия после смерти апостола. Оценивая все известные нам факты, мы должны признать XIII главу **ИМ** поздней интерполяцией, не содержащей подлинных исторических фактов. Все всякого сомнения к поздним и особенно недостоверным интерполяциям в тексте **ИМ** следует отнести утверждение императора Михаила, что только моравские братья способны решить трудную задачу создания славянской письменности. "Возьми с собою Мефодия. Вы оба одунияне, а все одунияне хорошо говорят на славянском языке". Нет никаких сомнений в том, что весь пассаж XIV главы **ИМ** придуман был болгарами. Лескин справедливо

отметил, что данное утверждение ИМ не соответствует подлинному положению дел.

С полным основанием мы можем ИК отнести к произведениям славяно-византийской литературы. Что касается ИМ, то это памятник древнеболгарской литературы, который призван был помочь Борису и Симеону утвердить в Болгарии полную церковную самостоятельность. Перед создателями ИК такой задачи не было.

Л.Б.Карпенко (Самара)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАГОЛИЦЫ

Проблема происхождения глаголицы на протяжении более полутора столетий остается для славистов "неразрешенной загадкой" (Н.И. Толстой). Если в признании ее большей по сравнению с кириллицей древности исследователи достигли определенного согласия, то предмет дискуссий по поводу происхождения букв глаголицы до сих пор не исчерпан. Описаны в качестве возможных оригиналов едва ли не все восточные алфавиты. Поднявшаяся у нас в 60-е годы волна публикаций в защиту восточнославянских истоков глаголицы (из "загадочных причерноморских знаков") улеглась, тем не менее прочно не восстановлен единственно реалистический, бедущий начало в трактате Черниоризца Храбра "О письменах", тезис об оригинальности и независимости первой славянской азбуки. Несмотря на многочисленные труды Е. Георгиева по данному вопросу, в которых обосновывается оригинальность глаголицы, исконь поиски истоков первого славянского алфавита направляются к сторонним образцам, теперь к готским рунам (ср.: Степанов Ю.С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры. - Вопросы языкоznания. 1991, № 3, с. 34).

Традиции палеографического подхода в объяснении глаголицы ограничивают исследователей рамками аналогий. Глаголица же и по звонкому, и по исполнению представляет собой

явление неординарное (не потому ли так была гонима в христиической средневековой Европе), несущее печать гениальности ее Автора.

Шлодотворность историко-культурного подхода к истолкованию глаголицы несомненна, если в должной мере учитывать не только неограниченный общекультурный контекст, но прежде всего собственно славянский историко-культурный феномен возникновения письменности, первичное функциональное назначение славянской азбуки и, что имеет первостепенное значение, уникальность личности Кирилла, его дарований и религиозно-философской устремленности. То обстоятельство, что глаголица специально создавалась с целью широкого приобщения славян к христианству, а также исключительные качества Кирилла, упоминаемые современниками, побуждают искать в этой азбуке воплощение творческой концепции Автора, его религиозно-философских взглядов. Такой подход сам по себе не нов, он намечался в исследовании рано умершего в Финляндии, русского по происхождению, славяниста Г. Чернохвостова. Отраженные в литературе сведения о направлении поиска ученого подтверждают объективность наблюдаемых особенностей глаголицы: символический характер букв АЗ, ИЖЕИ, СЛОВО, составленных из христианских графических символов креста, треугольника и круга. Не только эти очевидные и уже отмеченные в литературе моменты, но в совокупности и особенности системной организации букв глаголицы, высокая степень ее рациональности, продуманности, матрично-кодовый характер построения алфавита, буквы которого в свернутом виде кодируют имя Христа, и обусловленный характер использования графических знаков, соответствующих начертанием астрологическому в своей основе тексту Священного писания, а также признаки семантической и грамматической организации имен букв (в семантико-синтагматическом плане составляющих текст, символизирующий установленный Богом порядок существостей, Завет) – все вместе убеждает в том, что глаголица не является обычным азбучным рядом, но лингвистически и философски глубоко продуманной знаковой системой, содер-

жательно и формально соответствующей христианской идеи. Таким образом, содержательная многомерность глаголицы свидетельствует о цельности творческой концепции ее Автора - Кирилла.

Е.М. Верещагин (Москва)

АЗБУЧНЫЕ СТИХИРИ КОНСТАНТИНА ПРЕСЛАВСКОГО
В ДЕКАБРЬСКОЙ СЛУЖБНОЙ МИНЕЕ

1. В двух древнейших служебных миенах, содержащих декабрьские последования (ЦГАДА, ф. 381, № 98 и 130), представлена цепочка азбуковых стихир. Вот ее начало по второму источнику:

Англьскія прѣдъидѣте силы ...
Беззначальноу словеси изволыш ...
Въртепе приими невъмѣстимаго ...
Горы и хлыми възграите ...
Дивомъ вся тварь одържима ...
Естьства зъра обетшавъша ...
Живоносънѣе чрево ношаше ... (и т.д.)

Вполне отвечая заголовку, данные стихиры являются азбуковыми: первая начинается с литеры а, вторая - с б, третья - с в и т.д. вплоть до 35-ой стихиры на ю и 36-ой на ѧ. Это, конечно, не перевод каких-либо греч. стихир по алфавиту: в греч. азбуке 24 буквы, а здесь перед нами 36 стихир. Кроме того, любой из до сих пор известных славянских переводов греч. стихир по алфавиту, будучи смысловыми, не сохраняет какого-либо упорядоченного следования литер. Иными словами, перед нами именно славянское - пусть и написанное в подражание греч. жанровым образцам - последование. Вслед за Г. Поповым предполагаем, что в миенах за декабрь сохранился фрагмент сочинительства Константина Преславского.

2. К. Иванова отметила, что порядок букв в стихирах соответствует глаголической азбуке.

3. Подобное, но не полностью совпадающее расположение отмечается и в декабрьской служ. минеи F.n. 1.70 (XIV в.) ГПБ им. Салтыкова-Шедрина (Петербург), где стихиры по три сгруппированы в 12 циклов и разнесены по последованием вечерни и утрени дней перед Рождеством. В надписаниях каждого цикла значится: азбуковникъ.

4. Принадлежа к числу самых первых слав. оригинальных гимнографических произведений, азбуковные стихиры представляют собой редчайшие следы в слав. книжности тех богослужебных последований, когда центром прославления праздника или святого был не сохранившийся доныне канон, а многостrophicный кондак, уже в IX в. вышедший из употребления.

5. Нами предрождественские стихиры исследованы с целью установить степень освоенности христианской традиции в первом литературном языке славян. Вопрос актуальный, если учесть, что от момента создания слав. азбуки и выполнения первых переводов до написания оригинального текста болгарским книжником истек исторически ничтожный срок — меньше четверти века.

6. Мы исследовали в стихирах содержательные линии: со-богийскую; вероучительную (исповедную); гомилетическую (увещательную). Соответственно были выделены три пласта специализированной лексики. Специализированная лексика весьма алюзивна: она отсылает к предварительной осведомленности слушателей или читателей.

7. Сопоставление специализированной лексики, извлеченной из оригинальной слав. гимнографии, со специализированной лексикой, извлеченной из переводной слав. гимнографии, обнаруживает широкое совпадение лексических средств выразительности. Правда, если сравнивать синтаксические построения переводных и оригинальных песнопений, то последние как правило проще (и понятнее, но все-таки с потерями части эстетической нагруженности).

СТАТУС ОКСЮМОРОННОЙ ФИГУРАЦИИ В РЕДАКЦИЯХ "ПОХВАЛЬНОГО СЛОВА КИРИЛЛУ-ФИЛОСОФУ" КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО

1. "Похвальное слово Кириллу-Философу", сохранившееся в кодексе уникус, содержит три фигуры оксюморона: изъ~~и~~шнѣ~~и~~ пророчески~~и~~ языка~~и~~ глагнива и особенно сложную фигуру, представленную синонимически: трьбезначалны свѣтъ въсиа и трьбезначалнааго бѣтва зарѣ въсиав'ши.

В другой редакции "Похвального слова" фигура изъ~~и~~шнѣ~~и~~ пророчески~~и~~ языка~~и~~ глагнива опущена, а синонимические фигуры даны вне оксюморонной фигурации, соответственно: трьбез'начелнымъ сѣтвомъ блистає се (с вариантом облистає) и трьбезначалнааго бѣтва зарею сиає.

2. Фигура изъ~~и~~шнѣ~~и~~ пророчески~~и~~ языка~~и~~ глагнива наряду со слѣпѣи просираютъ и хромѣи ходать; прокаженїи очищаются и глухїи слышать; мертвїи востаютъ и нищїи благовѣстуютъ (Мф. 11,5) скоро стала осознаваться как "образцовый оксюморон" и со временем вошла - в переосмысленном виде - в народные речения типа ""посмотрим"" - сказал следить".

3. За синонимическими конструкциями трьбезначалны свѣтъ въсиа и трьбеззначалнааго бѣтва зарѣ въсиав'ши стоит оксюморон "безначальное начало", отражающий богословскую концепцию Предсущего. Во второй редакции это значение оказывается скрытым: заря выступает как синоним света или рассвета, свет - трьбезначалны - оказывается синонимом начала. Формы блистає се и сиає могут пониматься как "вечное настоящее". Если здесь может мыслиться действие индоативное, то актуализируется и скрытая оксюморонная связь - "начинается, началось безначальное".

4. Вторая редакция "Похвального слова Кириллу-Философу" представляет собой с точки зрения оксюморонной фигурации производный вариант: в нем опущен "престей" оксюморон, в нем разрушен "сложный" оксюморон. Однако текст "Слова" устроен таким образом, что в нем есть компентиче-

ские ресурсы для раскрытия оксюморона, основополагающего для христианской традиции оксюморона "безначальное начало".

Л.П. Жуковская (Москва)

ФОНЕТИЧЕСКИ НЕ МОТИВИРОВАННЫЕ ДУБЛЕТНЫЕ ГРАФЕМЫ В ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИИ ЦАРЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРА, 1356г.

В названной книге (далее – ИвАл), как и во многих других болгарских рукописях, имеются передающие один и тот же звук не одинаковые по начертаниям граffiti. Одни из них обусловлены ходом развития фонетической системы, другие – не обусловлены. К первым, которые называем мотивированными, относятся, например, юсы, отражающие болгарскую "мену юсов".

Фонетически не мотивированное употребление некоторых дублетных граffiti встречаем на листах ИвАл, красочно воспроизведенных в издании: Жукова Л. Четвероевангелието на цар Иван Александър (София, 1980; используем листы с номерами, кратными 10). Здесь представлены 6 разных типов написаний слова его, в которых имеются начертания трех разных "е" – йотированного, широкого и узкого, и двух разных "о" – широкого и узкого (написания через омегу не встретились): 1) Его 270 об., 2) Его 200, 3) Его 150 об., 4) Grо 260, 5) его 260, 270 об., 6) его 250 об. Они однозначно показывают, что в ИвАл имеются передающие один и тот же звук разные граffiti.

Рассмотрим проблему обозначения одного и того же звука разными буквами, опираясь на хорошо известные нам казалось бы аналогичные явления в русских рукописях того же времени. В русских рукописях звук [j] последовательно передавался особыми начертаниями букв, обозначавшими следующий за ним гласный звук: Іа, Іе или І широкое. В связи с этим и благодаря утрате ринезма писцы закрешили за буквой А обозначение [a] после мягкого согласного. В болгарских рукописях эти буквы не являются дублетными граffitiами,

поэтому не рассматриваем их.

Для облегчения словоделения при чтении слитно написанных текстов в русских рукописях писали широкие варианты начертаний букв в начале слов и отдельно звучащих слогов. Прежде всего это диграф ѹ, а не монограф у, последовательно употреблявшийся после согласных: к нему, мужь, но оучитель, наоучти (так писали, например, 2-й и 4-й писцы Галичского-Костромского евангелия 1357 г.). В болгарских и других южнославянских рукописях диграф ѹ употреблялся во всех позициях.

В начале слова и слога в русских рукописях указанного времени с той же целью представлены ꙗ или ꙁ широкое, а после согласного только ꙑ узкое.

В той же позиции употреблялось широкое Ѡ или (гораздо реже) омега, но после согласных исключительно последовательно писали узкое ѡ. Этого противопоставления нет в ИВАЛ.

Так, уже в надписях над выходными миниатюрами читаемы новопросвѣщеннаа самодержица, самодержець, блъгаршь, блъгаршъ(м), гръкомъ, кръкшъ(м). На л. 150 об.: крабли, краблъ, корабль, на л. 270 - корабль.

То же относится к буквам ꙗ, ꙁ и ꙑ: ꙗмоу 200, 250 об., ꙁмоу 250 об. (2), 270 об.; ꙗсть 250 об., 270 об., ꙗ(с) 270 об., есть 270 об. Отметим также: запоустѣніе 200, твоꙗе 260, полираꙗемъ 200; ꙁда, единомъ 260.

Материал однозначно показывает, что Ѡ широкое, омега и ѡ узкое, так же, как ꙗ йотированное, ꙁ широкое и ꙑ узкое в ИВАЛ употребляются вне какого бы то ни было специально задуманного противопоставления: ни фонетического, ни морфологического, ни лексического осмысления дублетных написаний обнаружить пока не удается. Поэтому можно думать, что употребление дублетных графем в болгарской рукописи сер. XIУв. связано, возможно, с эстетическими представлениями писца, желавшего зрителю разнообразить на записанном листе слитно написанный текст.

ПРЕСЛАВСКАЯ ЛЕКСИКА В ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКАХ
ЕВАНГЕЛИЯ

Дошедшие до нас списки Евангелия разных изводов содержат большое количество лексических вариантов. Часто лексические различия связаны не с происхождением памятников из определенной местности или окрептория, а с текстологическими особенностями, анализ которых позволяет выявить лексические напластования различных эпох (лексика кирилло-методиевского перевода, редакции тетра, осуществленной в Великой Моравии, и симеоновской эпохи).

Значительно меняется лексический состав славянского перевода Евангелия при перемещении центра книжной деятельности в Восточную Болгарию. Стремление сделать евангельский текст, особенно богослужебную его разновидность, более понятным местному населению, а в ряде случаев и сверка его с греческим текстом, отличным в текстологическом и лингвистическом отношениях от краткого византийского лекционария смешанного образца, использованного Константином и Мефодием, вызвали необходимость этого редакционного пересмотра и правки текста в Преславе. Именно редактированием текстов в Преславе в эпоху царя Симеона можно объяснить большое количество лексических различий в старославянских и среднеболгарских евангелиях, а также немало соответствий между частью среднеболгарских евангельских текстов (например, Добромировым, Баньским, Търновским 1273 г., Воскресенским XIV в.) и древнерусскими полными апракосами XII в., а также древнерусскими тетрами Галичским ев. 1144 г., Заратским ев. XIV в., Константинопольским ев. 1383 г., Ев. 25942 МГУ XIV в. и др.

Фактический материал древнерусских списков Евангелия позволяет судить о той огромной редакционной работе, которая была проделана в Преславском книжном центре по исправлению текста Евангелия, введению в текст вместо гре-

измов и устаревших слов первичного перевода народных слов восточноболгарского ареала. Некоторые лексические данные древнерусских тетров XII-XIV вв. (Галичск. II44 г., Конст., 2Б, 42 МГУ и др.), возможно, свидетельствуют о второй преславской редакции Евангелия (XI в.).

Часть лексем, широко употребляемых в древнерусских полных апракосах и ряде древнерусских тетров и отсутствующих в старославянских и среднеболгарских рукописях, можно только условно назвать преславизмами. Методика их определения представляет известные трудности. При решении этого вопроса важно привлекать лексические данные памятников других жанров (в частности, Супрасльской рукописи, списка Апостола второй редакции Г.А. Боскреденского и оригинальных сочинений писателей эпохи царя Симеона: Константина Преславского, Иоанна Экзарха болгарского, пресвитера Козмы). Необходимо изучать лексические особенности живых славянских диалектов, привлекать данные сравнительно-исторической лексикологии славянских языков. "Условные" преславизмы могли проникнуть в тетровые и апракосные чтения древнерусских полных апракосов из разных списков недошедших до нас протографов евангельского текста, составленных в Преславской книжной школе, которые были принесены на Русь после ее Крещения.

Тетровые чтения древнерусских полных апракосов очень последовательно сближаются с рукописями, имеющими черты правки в Преславе. Характер краткоапракосных чтений в древнерусских полных апракосах более разнообразен, хотя и здесь зафиксирован значительный лексический пласт преславизмов.

Малоизученные до настоящего времени древнерусские списки Евангелия - драгоценная сокровищница сведений по истории славянского перевода Евангелия. При ограниченном количестве сохранившихся среднеболгарских рукописей эти списки являются, в частности, важным источником знаний о Преславской книжной школе.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСТОКИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (ВЗАЙМОДЕЙСТВИЕ ЛАТИНСКОГО ЗАПАДА И ВИЗАНТИЙСКОГО ВОСТОКА)

Сфера воздействия кирилло-методиевской традиции ныне предстает в весьма суженном варианте. Это следствие истории, которая не только созидала, но и разрушала, не только помнила, но и забывала. Уничтожение памятников было связано с войнами и стихийными бедствиями, забывание — с изменениями конфессиональной ориентации и связанных с ней культурно-художественных ценностей. Характерный пример — польская литература. Опыта воссоздания ее прошлого — это своего рода новая ее история, опрокинутая в прошлое. Иначе: эталоны *Pax Latina*, предопределившие пути развития национальной литературы Возрождения и всех позднейших эпох, рассматриваются как изначальные и единственно присутствовавшие также и во времена Средневековья, когда эта литература только складывалась.

Эти ставшие традиционными представления восходят к временам романтизма. Именно эта эпоха создала современный национальный стереотип, парадигмой которого являлся синтез ценностей собственно народных и универсальных, обусловленных конфессиональными факторами.

Патриотизм и католицизм стали органичной составляющей национального мировидения, которое в условиях отсутствия собственной государственности, ограничений и подавлений духа нации позволило полякам сохранить себя и восстановить свою независимость.

Всё это предопределило не только самоощущение нации, ее ментальность, но и саму перспективу видения своей истории, культуры, литературы, равно как и научную "оптику" рассмотрения прошлого.

Образ национальной литературы, ее источники и первые века бытования представляли только в свете Латинского круга

культуры, предопределившей духовное развитие Польши и литературный процесс уже на этапе зрелого Средневековья. Между тем, данные археологии, истории и письменности свидетельствуют о наличии здесь (как и на землях чехов, словаков, словенцев, хорватов) параллельного существования кирилло-методиевского наследия, связанного с ним воздействия Византийского круга культурной и христианской обрядности. Это ощущалось еще во времена Возрождения.

Одно из важнейших – художественно, культурно, национально значимых явлений – поэтический текст "Богородицы", функционирующий в качестве национального гимна на протяжении Средневековья и Возрождения.

Взаимодействие латинской и византийской культур рассматривается в Польше на протяжении всего Средневековья и является отражением закономерностей более широкого плана: христианство, несмотря на разделение Церкви и межконфессиональные антагонизмы, сближало (духовно, культурно, эстетически) европейские народы внутри одной – общей – средиземноморской цивилизации и способствовало циркуляции художественных ценностей православия также и в кругу католичества.

Ю.А. Лабынцев (Москва)

СУПРАСЛЬСКИЙ СПИСОК ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ
КИРИЛЛА ФИЛОСОФА 1580 г.

В отношении степени изученности памятников кирилло-методиевского цикла мнения современных исследователей почти единодушны. С.Б. Бернштейн в своей книге "Константин-Философ и Мефодий" (М., 1984), в частности писал, что "до сих пор еще не осуществлен детальный анализ структуры и стиля ЖЖ и ЖМ" (с. 25). Два года спустя сходные мысли высказал Б.Н. Флоря в статье "Рукописная традиция памятников Кирилло-Методиевского цикла (Итоги и задачи изучения)" (Жития Кирилла и Мефодия. Москва – София, 1986).

Еще более определенно о нашем знании судеб текста пространного "Мития Константина" совсем недавно написал молодой итальянский славист Дж. Даффер: "... до сегодняшнего дня мы не располагаем ни критическим изданием текста, ни обстоятельной историей его рукописной традиции" (Рукописная традиция пространного Мития Константина. - Сов. славяноведение, 1991, № 3, с. 59).

Практически неизвестный нынешним специалистам по кирилло-методиевскому наследию Супрасльский список ІІК 1580 г. (ГИБ, I.I.29) как нельзя конкретнее подтверждает подобное положение.

В свое время о нем кратко упомянул О.М.Бодянский в своем энциклопедическом исследовании "О времени происхождения славянских письмен" (М., 1855) в "Примечаниях" на с. XXVI-XXVII. Но вот беда, ученый, имея в руках относительно точную копию с этого списка (она сохранилась), не знал оригинала, что представил он из себя, где находится.

Работа А.Н. Попова "Обличительные списания..." (М., 1879), где подробно разбирается состав сборника, содержащего данный список ІІК, и сам список, оказалась почему-то незамеченной специалистами по кирилло-методиевской проблематике, впрочем, точно так же как и им самим краткие сведения О.М.Бодянского о копии с этого списка.

В дальнейшем интереснейший и весьма отличный от прочих списков по своим языковым и литературным характеристикам, структурным особенностям и сопутствующим текстам список этот фактически выпал из научного обхода.

Например, в издании сочинений Клиmenta Охридского, в его т. 3, подготовленном Б.Ангеловым и Х.Кодовым, дается лишь отсылка к известному уже нам краткому упоминанию о копии с этого списка, сделанному О.М. Бодянским в 1855 г. (Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий. София, 1973, с. 48).

Работая над Международной славяноведческой программой "История книжной культуры Поддържья", посвященной изучению духовной культуры в смысле из уникальных районов Европы, находимся на пограничном взаимодействии множества

культур, в своеобразном заповеднике кирилло-методиевской традиции с центром в Супрасле, удалось не только более детально исследовать этот список (он был хорошо известен нам и ранее. См., например: Л а б и ц е в Ю.А. Описование изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тышинского. М., 1985, с. 7-8, 22, 29-30), но и проследить здесь почти двухвековую жизнь произведений кирилло-методиевской тематики, в том числе и в униатской среде, включая и время, когда в конце XVI в. униатами стали создаваться особые интерпретации на основе ЖК и ЖМ, разошедшиеся затем по всем епархиям в тысячах печатных экземпляров, ни один из которых, к сожалению, нестал известен нынешним специалистам (см., например, А и г е л о в Б. Кирил и Методий в славянските печатни книги от XVI-XVII в. - В его книга: Из историята на старобългарската и възрождечската литература. София, 1977, с. 6-23).

Белорусский список ЖК 1580 г. мы называем Супрасльским по месту его создания в Супрасльском монастыре, столь памятном для славистов всего мира, ныне возрождаемом силами православной церкви в Польше.

Супрасльский список ЖК 1580 г. (он не единственный в Супрасле!) входит в состав объемного сборника полемического содержания, созданного белорусскими православными книжниками накануне принятия Брестской церковной унии 1596 г.

Л.В. Горина (Москва)

СРЕДНЕЕВОКАЯ БОЛГАРИЯ В ХРОНИКЕ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕЗОДА

В труде византийского историка, монаха Георгия Амартола (IX в.), согласно законам хронографического жанра, освещались события всемирной истории, начиная от "создания мира" и кончая до 842 г. Хроника и последствия были продолжена, по преобладающему в науке мнению, еще одним византийским хронистом — Симеоном Логофетом и ее изложение

было доведено до 948 г.

В разнообразной панораме событий мировой истории, представленных в хронике, сравнительно заметное место отведено болгарской истории. Этот факт несомненно важен, т. к. позволяет ставить вопросы об объеме "болгарских" сведений труда византийского хрониста и его продолжателя, их достоверности и значении для изучения болгарского средневековья.

Важно и другое: по предположению ряда исследователей, хроника была переведена с греческого языка на болгарский, и это имело место в Болгарии в период правления царя Симеона (894-927), известного своим покровительственным отношением к культуре и искусству. Существуют и другие точки зрения о времени и месте перевода этого труда на славянский язык. Перед нами, таким образом, серьезный научный спор, еще далеко не завершенный. В решении его могут помочь, на наш взгляд, и "болгарские" материалы хроники Амартола.

В труде Амартола и его продолжателя история Болгарии представлена сюжетами преимущественно политического характера, повышенным вниманием автора к проблеме болгаро-византийских отношений, особенно в период правления царя Симеона.

В решении вопроса о месте и времени перевода хроники может помочь освещение одного немаловажного вопроса - насколько различаются греческий оригинал хроники и ее славянский перевод.

Рассматривая вопрос о славянском переводе труда Амартола, необходимо вспомнить меткое наблюдение В.М. Истрина, отметившего, что наряду с почти буквальным переводом текста налицо и известная самостоятельность славянского переводчика. Он как бы воплощает на практике рекомендации болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха относительно правил перевода на славянский язык иностранных текстов. Экзарх советовал пользоваться свободным переводом.

Считаем возможным поддержать точку зрения о первоначально именно болгарском переводе труда византийского

хрониста, который впоследствии появился уже в русской ре-
дакции, но с учетом болгарского перевода.

Можно опереться при этом на ряд фактов, еще не зачи-
ченных исследователями: греческое "*Καγκάνος*" - так
Амартол называл болгарского правителя - в переводе звучит
как "кавхан", в точном соответствии с тем, как передан
этот титул в целом ряде болгарских источников, включая
протоболгарские надписи. Едва ли русский переводчик мог
быть осведомлен в таких тонкостях. Не вполне сведущий,
что естественно, в точных названиях или именах болгарских
военачальников византийский хронист превратил болгарского
кавхана Имника в двух лиц: "Каукана и Миника". Болгарский
переводчик ошибку исправил и соответствующий кавхан полу-
чил принадлежащее ему имя "Имник".

Усматривается связь болгарских материалов хроники
Амартола и ряда других памятников письменности. Например,
в Елинском летописце первой редакции находится уникаль-
ный памятник болгарской культуры - "Именник болгарских ха-
нов", за которым сразу же следуют сюжеты, заимствованные
у Амартола. В так называемом Архивском хронографе текст
из хроники Амартола располагается вслед за любопытной за-
писью о том, что в период правления болгарского царя Си-
меона болгарский пресвитер Григорий активно занимался
книжно-переводческой деятельностью и, в частности, пере-
вел с греческого языка книги Ветхого завета.

Упомянутыми данными не следует пренебрегать: они под-
держивают предположение о возможном переводе хроники
Амартола именно в Болгарии, скорее всего в начале X в.

И.И. Калиганов (Москва)

О ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Первостепенной задачей при характеристике древнебол-
гарской письменности является установление сущности, ма-

шабов и хронологических границ этого историко-культурного феномена. Спектр мнений по этим вопросам весьма неоднороден, и сами они вызывают периодически вспыхивающие научные споры. При этом некоторыми исследователями допускаются три ошибки: а) сведение древнеболгарской азбуки и письменности с латинской и латинской письменностью; б) сожмение понятий "древнеболгарский", "древнеславянский/старославянский" или "древнерусско-славянский" язык; в) недооценка изменчивости данных понятий на протяжении истории.

1. При относительном сходстве латинской и древнеславянской письменности нельзя не отметить и существенное различие. Первая из них имела более универсальный характер, распространяясь среди нескольких европейских этносов: романского, германского, западно- и частично югославянского. Вторая же получила распространение главным образом среди славянского этноса и отчасти романского (Молдавии и Валахии, причем спустя столетия после зарождения славянской письменности). В этом плане древнеславянскую азбуку и письменность уместнее сравнивать с утвердившимися ранее в Бизантии азбуками и письменностями армянского и грузинского народов. От последних она отличалась большими масштабами географической распространенности в силу большей численности славян и обширности населенных ими земель. Три указанных письменности объединяет одновременность их "корневых систем", уходящих в местные "почвы" и питавшихся живительными соками родных языков. Известное сходство наблюдается и в самобытности азбук армян, грузин и славян. Первая славянская азбука (глаголица) не имела прямых графемных аналогов с другими азбуками. При создании глаголицы первоучитель Кирилл скорее всего сознательно не пошел по проторенному пути (усовершенствование опыта использования греческих унициальных графем для передачи устной славянской речи в дописьменный период). Насаждение подобной усовершенствованной азбуки в Великой Моравии вызвало бы резкое недовольство Рима - соперника Константи-

ионополя в борьбе за культурно-политическое влияние в моравских землях. Неподобающее глаголище на греческое уничижальное письмо позднее помогло Кириллу отстоять ее во времена конфессиональных диспутов с "триязычниками" в Риме и Венеции, где он ссылался на предшественника: наличие армянской и грузинской азбук.

Д. Обострившиеся споры о том, как следует называть общий литературно-книжный язык славян, очевидно, вызваны неоднозначной некоторыми исследователями исторической изменчивости содержательной стороны указанного культурного явления. Ученые зачастую говорят о разных вещах, не поставив предварительно уточняющих вопросов: где, когда и в какой мере? На наш взгляд, говоря об общем языке-посреднике славян, следует помнить о гетерогенности этого явления с начала его возникновения и на протяжении нескольких последующих веков. Здесь нужно принимать во внимание всю сумму факторов:

а) Велико-моравский дебют. 80-80-е годы IX в. - солунский диалект как основа литературно-книжного языка древних славян + учет Кириллом и Мефодием особенностей языка мораван при переводческой деятельности (кальки с моравского) + кальки с греческого + кальки с немецкого;

б) Болгарский дебют. 80-е годы IX в. - первые десятилетия XI в. Деятельность кирилло-мефодиевских учеников. Эпохи царей Симеона-Самуила;

в) Русский дебют. X-XI в. Использование памятников болгарской, моравской и чешской письменности;

г) Сербский дебют. Конец XII-XIII в. Усвоение памятников болгарской, русской и хорватской (глаголической) письменности.

В дальнейшем степень влияния языка отдельного славянского народа в общем языке-посреднике могла то ослабевать, то усиливаться в зависимости от национально-исторических судеб мораван, болгар, русских и сербов. Богатство общего языка все время умножалось, а размеры вкладов в него отдельных славянских народов на разных исторических этапах могли уменьшаться или даже сходить на нет, как в слу-

чае с Великой Моравией.

Ш. Особое место в данном процессе принадлежит болгарской письменности конца IX – начала XI в. Именно в болгарских землях отточился и обогатился язык кирилло-методиевских переводов и были оформлены основы общеславянского литературно-книжного языка. Затем однако размеры българского вклада значительно уменьшились и в XII–XIII вв. были незначительными. По нашему мнению, нецелесообразно отказываться от классического термина "старославянский язык" применительно к более протяженному историческому периоду, охватывающему IX–ХУП вв. Термин "древнепечерковнославянский язык" уязвим по той причине, что при его использовании от общего пласта памятников древней славянской письменности отсекаются памятники светского содержания (летописи, хроники и т.п.), которыми болгары, русские и сербы обменивались между собой.

ІУ. В целом употребление того или иного термина (и особенно определение народностной принадлежности того или иного памятника / рукописи) зависит от точки отсчета. Нередко один и тот же книжный памятник может иметь отношение к литературе, письменности, языку, искусству оформления различных славянских и неславянских народов.

Р.М. Цейтлин (Москва)

БОЛГАРСКИЕ РУКОПИСИ IX–ХУ ВВ. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Лексикология как особый раздел (в современном толковании этого термина) истории болгарского языка находится в стадии своего формирования, при этом исследователь древнего текста сталкивается с рядом специфических трудностей, связанных и с характером изучаемых источников, их количеством, доступностью, так и с господством традиционных, но тем не менее неверных подходов к анализу слова в языке древнего памятника.

В настоящее время известно около 20 древнеболгарских рукописей и 135 средневековых. Многие из них изданы (преимущественно древнеболгарские), многие ждут публикации. В ряде случаев требуются новые издания с современным текстологическим аппаратом, индексами слов, греческими оригиналами (для переводных памятников). Не изданы ценнейшие надписи и грамоты - открытия последнего десятилетия (имею в виду прежде всего открытия и исследования К.Попконстантинова и его коллег), которые существеннейшим образом должны пополнить наши знания в области палеославистики в целом и в сфере лексики, в частности. Необходим специальный словарь этих надписей и грамот.

Современная лексикология, изучающая лексику как особый языковой уровень, требует рассматривать (и исследовать!) слово как член определенной лексической микросистемы, связанной вполне определенными отношениями с другими лексическими микросистемами как в синхронном, так и в историческом движении (состоянии) лексической системы данного языка.

В подходе к древнему слову характерно "осовременивание" в той или иной степени его значения. При этом меньшее внимание уделяется предыстории слова: применительно к древнему болгарскому слову - характерно пренебрежение его праславянской историей, тогда как одной из отличительных черт древнеболгарского языка является его исключительная близость к позднему праславянскому, что и позволяет считать его первой фиксацией последнего.

С другой стороны, для ряда исследований болгарского слова характерно неразличение прямых и косвенных источников исследования, первооригинала и последующих списков памятника, что недопустимо для собственно лингвистического исследования, хотя сведения косвенных источников (в данном случае поздних списков с исследуемой рукописи) чрезвычайно важны. Вместе с тем недостаточно как важные косвенные источники анализируются данные болгарской лексикологии и лексикографии (исключение - монография М.Мыжлековой и ряд этюдов, посвященных отдельным лексемам).

Лексикология отдельного языка обогащается сравнительным сопоставлением своих данных с материалом родственных языков. В то же время штудий по сравнительной лексикологии славянских языков чрезвычайно мало.

Таким образом, задачи современного исследователя проблем болгарской исторической лексикологии чрезвычайно трудны сами по себе (как теоретическая и описательная работа), тем не менее на данной стадии достижений славянского языкознания они могут быть решены. Современный лексиколог-древник располагает уже значительными материалами. В последние десятилетия и на высоком научном уровне издано значительное количество древних болгарских текстов. Среди них издания фрагментов Боянского и Зографского евангелия (труды И. Добрева), фототипические воспроизведения вновь найденных значительных по объему глаголических отрывков из Синайского евангелия и Синайской поалтыри (труд И. Тарнанидиса). Особенно много издано среднеболгарских рукописей. Назову лишь некоторые: Слова Иоанна Экзарха Болгарского (Д.Иванова-Мирчева), Добромирово евангелие (Б.Велчева), Еанишко евангелие (Е.Дограмаджиева), Евангелие Кохно (Н.Коссек), Патеричные рассказы (С.Николова), Сборник 1348 г. (Куйо Куйев), Триоди Константина Преславского (Г.Попов), Манассиева летопись (И.С.Дуйчев, М.А.Салмина), ряд ценнейших изданий и переизданий в серии "Книгописная полата" (Голландия), ряд публикаций небольших, но важных по своему материалу в журналах "Български език" и особенно "Старобългаристика" (называю лишь примеры и опускаю перечень не менее существенных публикаций). Работа лексиколога в значительной мере облегчается и стимулируется изданиями словарей древних языков (Словарь старославянского языка в 4-х томах Чехословацкой Академии наук, выходит из печати однотомный "Старославянский словарь", подготовлен к печати Древнеболгарский словарь). Одна из кардинальных задач - создание среднеболгарского словаря, базой его могут служить словари-индексы к сочинениям Гр.Цамблака, к Беседам Презвитера Коэмы, Митиям Кирилла и Мефодия и ряд других.

В ряду других эффективны исследования лексических микросистем древних языков по морфемным лексико-семантическим группам как микросистемам целой лексической системы языка, позволяющей выделять так наз. "опорные слова", которые семантически соотносятся с соответствующими "опорными словами" различных лексических микросистем как в синхронии, так и в диахронии, позволяя тем самым выделить контуры (сферические, не плоокостные!) лексической системы языка в целом.

В.С. Ефимова (Москва)

О СИНТАКСИЧЕСКОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАРЕЧИЙ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ РУКОПИСЕЙ

Язык древнеболгарских рукописей (далее ДР), представляющих собой самую раннюю фиксацию славянской речи, может анализироваться с целью выделения древних языковых явлений, унаследованных письменно-литературным языком из пра-славянского, и черт, получивших дальнейшее развитие. В настоящем докладе излагаются результаты изучения с этих позиций синтаксического функционирования наречий. Господствующее в современной лингвистике понимание наречия как "третичного" слова, слова "третьей степени", "третьего члена реляции", "признака признака" (Потебня, Курилович, Есперсен и др.) связано с определением его основного места в строе современных европейских языков — модификатора глагола и прилагательного (наречия). При попытках применить такой подход и в исследовании по славянским языкам древнейшего периода (Я. Ян, Н.В. Чурмаеча) изначально задается дефиниция наречия, исключающая возможность его участия в бинарных отношениях, в результате чего оказывается вне исследования (относится к якобы существующей "категории состояния", объясняется разного рода исключениями типа пропуска или транспозиции релятора) довольно значительный языковой материал по предикативному и приобустан-

тивисму употреблению наречий. В нашем исследовании в основу дефиниции наречия положены не присущие ему синтаксические функции (определение которых само должно стать результатом анализа языкового материала), а его главный морфологический признак – неизменяемость формы, ономасиологическое и семантическое содержание этой части речи определено как обозначение непроцессуального признака действия, предмета или другого непроцессуального признака. При этом мы в известном смысле возвращаемся к тому пониманию наречия, которое представлено в трудах ряда выдающихся лингвистов-индоевропеистов прошлого (Паул, Бругманн, Хирт и др.).

В языке ДР превалирует употребление наречий в качестве глагольных определений, однако разнообразные по структуре и значению наречия зафиксированы и в роли предиката как в однокомпонентных, так и в двухкомпонентных предложениях. Следует отметить, что "участие в бинарных отношениях" часто просто не замечалось исследователями. Например: въсе въ соуе и ашоутъ - жъутъ еїкѣй каї маѣтъ. В рамках предлагаемого подхода к наречию необходимо заново рассмотреть и вопрос о так наз. "неклоняемых прилагательных". Эти неизменяемые слова на -ъ, в большинстве своем весьма древние по происхождению, с затемненной в ряде случаев этимологией, встречаются в ДР в разных синтаксических позициях. Ср., например, известное ранее в ДР только присубстантивное употребление искрь в составе термина глѣсъ искрь - юхос жъуко (а также в качестве предлога в евангельском чтении И 4,5) и в качестве глагольного определения в искрь причасти са - жарахъвѣшъ цегѣвхеу в недавно открытой части Синайского евангелия (Евр 2,14).

Для понимания места наречия в строем славянского языка древнейшего периода важно учесть синтаксическое функционирование в ДР наречий, морфологическая структура которых указывает на их древность (Лавѣ, близъ, судобъ и т.п.). Эти наречия "полифункциональны", часто употребляются в предикате. Реже встречается присубстантивное употребление (ср., однако, такие примеры, как нивы противъ - аѣ

дъеъжутъ хърол). С другой стороны, обращает на себя внимание почти исключительное употребление в качестве глагольных определений "новых" наречий с суффиксом *-и-* образованных преимущественно от аффиксальных прилагательных и прилагательных-композит и характерных для языка ДР, связанных с Преславской школой письменности.

Анализ языка ДР показывает, что предикативное и присущественное употребление наречия входило в число его исконных функций и было присуще ему, видимо, и в праславянском языке. Это обстоятельство необходимо учитывать при изучении эволюции грамматической системы как болгарского, так, возможно, и других славянских языков.

Н.В. Коссек (Москва)

ОТРИЦАНИЕ И ЕГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТАХ

Об отрицательных конструкциях с частицей НЕ в языке Евангелий, а также о месте этой частицы в структуре предложения писали многие слависты. О конструкциях с частицей НИ обычно пишут лишь в связи с проблемой полинегации в славянских языках, подчеркивая единственное значение и единственную функцию этой частицы – усилительную.

Однако языковой материал древнейших евангельских текстов показывает, что частица НИ могла выполнять и чисто строеющую, конституирующую функцию в отрицательных предложениях, выступая, подобно частице НЕ, в роли единственного отрицательного форманта. В частности, частица НИ самостоятельно образовывала отрицательные трансформы положительных высказываний в следующих случаях.

1. Нечленимое предложение (греч. *οὐχί*, *οὐ*)

2. Единственный приличной (приместоименный) формант отрицательного предложения, находящийся в дополнительной дистрибуции с приглагольной частицей НЕ: *гī ни почръпала имashi* (И 4.11) *Мар Зогр Ас* (*ло – почръпалника*), *аще ли*

же и Мъздж имате Бан, Шф-Мъзды (Мт 6.1)

3. Отрицание континктивных высказываний (присоединительное значение): не можете бу работати ни мамонъ Л 6.13 Сав. кн., то же - Мт 6.24 Врач Кох Бан; усилительное значение: ни въ земи ни въ гнои твое есть Мар Зогр, Л. 14.35

4. Отрицание дизъюнктивных высказываний: аште ты Илья Хъ. ни Илья ни пркъ Мар Зогр И 1.25, греч. перевод на древнееврейский: о є́ліаָ о נַבְּאִי "или Илья или пророк".

5. Отрицательная трансформация предложений с усилительной частицей даже: ни Соломонъ во всеси славъ своеи обувче сѧ Мт 6.29 - Мар Зогр Сав, греч. οὐδὲ Σολομῶν
εὐ πάζη τῇ δόξῃ αὐτοῦ περιβάλετο.

6. Трансформация неопределенных местоимений и наречий в отрицательные с распространением сферы действия отрицания на предикативную часть предложения: никътоже не знаетъ сна тъкмо отъ. ни отца къто знаетъ тъкмо снъ Мар Зогр и др. (Мт 11.27) Первая сочиненная часть образована в строгом соответствии со славянской моделью отрицательных трансформов, вторая представляет собой греческую кальку, образованную по законам греческого мононегативного языка с сохранением неопределенного местоимения τις : οὐδὲ τῷ πατέρᾳ τις ἐπιγινώσκει εἰ μὴ ὁ υἱός.

Такая полифункциональность частицы НИ делает ее серьезным конкурентом традиционного отрицательного форманта НЕ, и в древнейших евангельских текстах мононегативные и полинегативные конструкции сосуществуют, несмотря на мононегативизм греческого, латинского и древнееврейского языков, с которых полностью или фрагментарно осуществлялись переводы евангельских текстов.

Разнообразие моделей отрицательных предложений в древних славянских памятниках приводит к возможности использовать эти специфические модели при текстологическом анализе Евангелий. Варьированиеmono-/полинегации, порядок слов в линейной и иерархии зависимостей в глубинной струк-

туре предложения, соответствия конструкций текстам потенциальных оригиналов (древнегреческий, древнееврейский, латинский) могут служить достаточно надежными генетическими приметами, что предполагается показать в настоящем сообщении.

Д.И.Поливяный (Иваново)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ БОЛГАРСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ХУ - ХVI ВЕКАХ

На первые столетия османского ига приходятся "темные века" в истории средневековой болгарской культуры. Попытки определить их сущность и содержание (П. Динегов, Н. Генчев, П. Русев, И. Калиганов) обычно приводят к разделению этого периода на две части. Культурно-исторический процесс в ХV в. характеризуется как "инерция", "угасание" традиций средневекового Болгарского государства, а для ХVI в. выделяется "всплеск" культурной активности вследствие слияния двух ранее существовавших раздельно пластов: церковной, письменной и народной, фольклорной культур. Общим местом большинства работ является тезис о складывании общебалканских культурных традиций, "нивелирования" культур южных славян, отирании этнически обусловленных различий между ними.

Для формирования цельного представления о духовной культуре Болгарии в ХV-ХVI вв. целесообразно обратиться к ее модели предшествующего периода, трансформация которой составляет, на наш взгляд, главное содержание культурно-исторического процесса в первые века османского господства. Модель болгарской духовной культуры, сложившаяся в Х-ХIV вв., характеризовалась сочетанием православного универсализма, который помешал Болгарии и Византию в рамки одного мира, противопоставленного "латинам", и отчетливой этнополитической и этнокультурной идентификации, построенной в системе координат "Восток" (Византия) - "Запад"

(Болгария) со своими центрами – Константинополем и Тырновом. Модель уравновешивалась через сопоставление как институтов (царство, государь, патриархия), так и духовных ценностей (вера, письменность, язык).

Процесс трансформации этой модели на протяжении XV-XVI вв. может быть прослежен в самых общих чертах на материале житийных, гимнографических, исторических произведений, через изменения в составе рукописных сборников и содержание имеющихся в них глосс.

Уничтожение Болгарского царства и Тырновской патриархии, захват турками Тырнова, а через шесть десятилетий и Константинополя разрушили систему координат, в которых развивалась духовная культура болгар. Поиски новой идентичности, однако, не вышли за рамки важнейших характеристик старой. Утратив прежнюю ориентацию "Восток-Запад" (Восток стал отождествляться с османами, а Запад – с не захваченными ими балканскими и центрально-европейскими территориями) и привязку к двум центрам – Константинополю и Тырнову – модель осталась в прежних границах православного мира, а центральная оппозиция "греки-болгары" приобрела уже не политический и этнический, как ранее, а конфессиональный характер. Болгары в ней выступали как поборники чистоты православия в противоположность "лукавым" и латинофильствующим грекам. Прочие православные народы – сербы, волохи, русские, иверы, находившиеся на периферии прежней культурной модели, перемещаются ближе к ее центру через то же самое противопоставление грекам. Османская власть выступает по отношению к православному миру как внешний фактор, как наказание православным христианам от Бога за внутренние распри и нестойкость в вере. Соответственно, Божью кару можно было облегчить приверженностью чистоте православия, а колебания в сторону "латинства" вели к ее усугублению.

Тяжелые общественно-политические и социокультурные условия, в которых происходила трансформация модели болгарской духовной культуры в XV-XVI вв., обусловили ее незавер-

шенностъ, но сложившаяся в общих чертах модель оказала значительное влияние на культурное развитие болгар в первые века османского ига.

Е.И. Демина (Москва)

О ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ ХVI - ЧЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХVII ВВ.

Тезис о предвоздрожденческом характере болгарской культуры XVI - первой половины XVII вв., выдвигавшийся, в частности, в ряде работ автора данного доклада (1976, 1979, 1983), остается дискуссионным. Исследователи отмечают, что вторая половина XVI-XVII вв. на славянском юге "явились периодом самым тяжелым и трудным для книжной образованности и письменности, порой лихолетья и глубокого застоя, который даже нельзя назвать кризисом, т.к. он был вызван чисто внешней причиной - усилением турецкого гнета" (Н.И. Толстой, 1963, 1988). По мнению П. Динекова (1980), сколько бы мы ни искали элементы предвоздрождения или же указывали на отдельные предвестники Возрождения, болгарская культура этого периода остается по существу средневековой. Последнее становится особенно ясным при сравнении с культурным развитием западнославянских и западноевропейских народов этого времени.

Действительно, тенденция к сохранению традиционной культуры у болгар в рассматриваемое время была достаточно сильной. Однако, это вряд ли дает основание говорить о ее консерватизме. В условиях иноземного владычества устойчивость народной традиции в духовной и материальной культуре, ее противопоставление культуре завоевателя выполняли важную функцию: являлись фактически актиенной формой сопротивления "чужому", способствовали сохранению болгарской народности, укреплению ее национальной самобытности. Этим же целям, как это ни парадоксально, служили определенные сдвиги в отдельных областях культуры, появление новых, ра-

иее неизвестных историко-культурных феноменов, наслаждающихся на традиционную культуру, а в чем-то и порывающих с ней. Например, характерное для этого периода распространение юнацких, гайдуцких и исторических песен "выходит новый мир в сознание народных масс, мир современности, актуальных политических и исторических событий, общих и индивидуальных переживаний в трагическую эпоху иноzemного ига" (Динеков, 1980).

Истинной революцией было создание в ХУП в. особого типа книжного языка на народной основе аналитического грамматического строя, отраженного в письменности новоболгарских дамаскинов. Введение в литературу живого народного языка значительно расширило коммуникативную область народной речи. Это существенным образом сказалось на "языковом этикете" эпохи, привело к резкой ломке существовавших в обществе социолингвистических норм функционирования языковых идиомов. Книжный язык на народной основе стал конкурировать с традиционным болгарским литературным языком позднего Средневековья с его синтетическим грамматическим строем, уже не присущим живой народной речи (и с церковнославянско-русским языком печатных книг), вытесняя их из сферы церковной проповеди, обращенной к народу, а также из литературы популярного характера. Вызванные к жизни новые формы общения на простом, доступном языке явились важным фактором культурной жизни порабощенного народа в условиях упадка грамотности, способствовали укреплению народного самосознания.

Существенные сдвиги произошли и в традиционном средневековом "литературном этикете", т.е. в представлениях о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению, какими словами должно было описываться происходящее (Д.С. Лихачев, 1961). Введение в литературную ткань произведения новых, народных, отчасти фольклорных средств изложения старого по своей сути содержания, демократизация его "словесной оболочки" привели фактически к созданию в письменности дамаскинов новой

модели "литературного этикета". Она широко функционировала вплоть до появления знаменитой "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского, полностью, по всем трем составляющим разрушившей средневековую молель, в том числе сложившейся в дамаскинах традиции.

Популярный характер письменности дамаскинов обусловил собой расширение и демократизацию социального состава тех, кому адресована письменность. В ее распространении принимают участие не только духовные лица, но и учителя, "даскалы", ремесленники, сельские жители, которые зачастую вскладчину покупают для храма рукописи дамаскинов, переписывают, читают их и бережно хранят. Появление хотя и традиционной по своему содержанию, лишь с отдельными элементами нового, но ориентированной на широкие массы письменности на народном в своей основе, "простом" языке явилось определенным сдвигом в системе болгарской литературы в ее отношении к исторической действительности, если волел за Д.С. Лихачевым (1968) признать это отношение существенной частью понятия литературной системы.

Первые "всплески" предвозрожденческих проявлений, связанные с демократизацией болгарской литературы, с обращенностью ее к новому адресату - широким народным массам, к укреплению ее связей с реальной действительностью наблюдаются еще в XVI в. Это прежде всего создание оригинальных житий Георгия Нового (автор - софийский книжник XVI в. поп Пейо) и Николы Софийского (Матей Грамматик) - мучеников, погибших от рук османских завоевателей за отказ принять ислам, появление первых печатных публикаций на традиционном литературном языке (сборники 1566, 1572, издатель Яков Крайков, Венеция), осуществление первых переводов Дамаскина Студита на традиционный язык, сживленный "высением в него живой народной струи" (Н.А. Лавров, 1899), на базе которых в XVII в. и была создана письменность на народном в своей основе языке. В этом же русле уместно рассматривать и культурную деятельность болгарских католиков, отразившую великие времена, влияние спиритуального ренессанса

и барокко. Ср. первую печатную новоболгарскую книгу "Абагар" Филиппа Станиславова (1651), произведения католических деятелей, работавших в пределах Австрии и писавших на латыни - Петра Парчевича, Якова Пеячича, Кристо Пейкича, Франца Ксавера Пеячевича, исторические работы на итальянском языке софийского архиепископа Петра Ъогдана Бакшева - главы болгарских католиков, выдающегося религиозного, политического и культурного деятеля ХУП в. Но именно письменность новоболгарских дамаскинов ХУП в., отразившая характерную для этого времени у балканских народов тенденцию к демократизации культуры, к превращению ее в уловиях иноземного ига в средство сплочения, консолидации народности и явившаяся переломным моментом в развитии болгарского литературного языка, представляется тем существенным сдвигом, который позволяет говорить о начале болгарского Предвоздорождения.

Г.П. Клепикова (Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКИХ МОТИВОВ В НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНАХ ХУП В.

1. Болгарские дамаскины ХУП в., написанные на народном в своей основе языке, являются результатом целенаправленной деятельности болгарских книжников по созданию нового типа литературного языка и рассматриваются в качестве важнейшего источника изучения одного из периодов истории указанного социо-культурного феномена. Речь идет о периоде становления "раннего новоболгарского литературного языка", когда происходила фиксация радикальных формальных изменений (прежде всего - в синтаксисе высказывания и в словаре), реально осуществлявшихся уже в живом разговорном языке; этот процесс сопровождался созданием нового узуса и новой письменной нормы. Содержанием этого периода оказываются многочисленные опыты создания языка письменности, используемого в конфессиональной сфере, на основе "народного" языка, другими словами, - его демокра-

тизации. Признавая влияние в этом отношении Дамаскина Студита и его сборника "Сокровище" (XVI в.), написанного на народном греческом языке, исследователи вместе с тем подчеркивают первостепенное значение деятельности болгарских книжников, которым удалось создать лингвистический идиом, синтезировавший выразительные средства (и "интеллектуальность") традиционного болгарского литературного языка (так наз. "средногорская" редакция) и общедоступного народного языка. Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что новоболгарские тексты ХУП в. являются "переводом" дамаскинов, написанных на церковнославянском языке (XVI в.), а не непосредственно "Сокровища" (Е.И.Демина).

2. Демократизация языка в дамаскинах I-II нбт. может быть прослежена в ходе сопоставлений, с одной стороны, новоболгарских текстов между собой, а, с другой, - последних с текстами архаических редакций. В качестве иллюстрации возможного подхода к подобному сопоставительному изучению выбрано "Слово о цветоносии", представленное в I нбт. (№ 34 Тх., также в Тр., Копр.) и во II нбт. (например, в Трев. - № 8), а также в "средногорских" дамаскинах (ср. в Ел. - № II); это Слово входит в состав "Сокровища" Дамаскина Студита. Центральный эпизод "Слова о цветоносии" - въезд Иисуса в Иерусалим и встреча его народом (ср.: Мф 21, 1-9, Мк 11, 1-10, Лк 19, 29-36, Иоан 12; 13, 13-17). В "Слово" включен и эпизод о воскрешении Лазаря (ср.: Иоан 12, 1-10; см. и: Лк 7, 37-38); по следний окажет в виде самостоятельного Слова обработан лишь в некоторых дамаскинах нбт. (II и смешанного типов), в архаических дамаскинах (ср. также в "Сокровище").

3. В целом языковые различия между I и II нбт., по данному Тх. и Трев., невелики и касаются главным образом лексики: наблюдается тенденция ее демократизации путем замены книжных слов народными, часть из которых счищается ныне как общеболгарские, другие - как диалектные. Ср.:

Тх.	Трев.	Ел.
б́трываше си́рь		б́тры
б́бриса	о брьса	
тръгъ	пэзарь	тръгу
грыдълъ зи	голъми	(нъ) грудим'ое
у чител'ны	дáскале	оучител'ны
е́ пыприщъ	е́ погледъ	е́ пыприщъ
р сёжаны	р растези	стб сёжаны
глие	дума	глиеть
ильта	снагаты	ильть
фдéжцы	прымьни// одéжди	фдéждами
вра́жда	каразъ(карасъ)	вражда
	// вражда	
блóль	куръвобство	блоуда
пол'за	файды	пол'за

Ср. также: наёднушъ (Тх.), наведињшъ (Трев.) ~ выкупъ (Ел.), мартириса (Тх., Трев.) ~ сибель'ствоза (Ел.), найде (Тх., Трев.) ~ обрьте (Ел.), инаќи (Тх., Трев.) ~ по-съдител-а (Ел.), миризма (Тх., Трев.) ~ вони€ (Ел.), сирсамои (Тх., Трев.) ~ нищии (Ел.), грижа (Тх., Трев.) ~ попеченије (Ел.) и др.

Из грамматических различий между Тх. и Трев. можно указать на возрастную в последнем системность отражения категории определенности (= членные формы), что также свидетельствует об усилении тенденции к сближению письменного языка с народным на протяжении XVII в.

4. Феномен демократизации должен рассматриваться и в более широком контексте, — не только языковом, но и текстологическом. Параллельное изучение текстов ист. и "среднегорской" редакции позволяет констатировать стремление книжников к более понятному для простых людей изложению канонических (себейских и евангельских) сюжетов, агиографических произведений, апокрифов (ср., например, "Слово на Рождество Богородицы"). Так, версии упоминающиеся вы-

ше "Слова о цветоносии" в Тх. и в Трев. очень близки. Вместе с тем тенденция к упрощению прототекста в процессе возникновения все новых редакций дамаскинов очевидна. Создателем Трев. она осуществлялась за счет исключения пассажей, имеющих характер притчи, иносказания. Ср. отсутствие в Трев. начального эпизода Слова, содержащего развернутое сравнение праздника (цветоносия) с трапезой, угождения на ней - с хлебом небесным (=божией мудростью) и др. (в Тх. это лл. 248, 248об.; в Ел. - лл. 123об., 124). Опущено в Трев. и изложение двух притч (о сне и смоковнице) (Тх. л. 253; Ел. л. 128об.). Существовали, по-видимому, и иные причины более сжатого, " pragmaticически " ориентированного изложения евангельских и других сюжетов. Ср. описание прихода Иисуса перед шестым днем Пасхи в Вифанию и воскрешения Лазаря (Тх. л. 250; Ел. л. 124), которое могло восприниматься создателем Трев. как повторение уже рассказанного сюжета. Как излишнее трактовалось, вероятно, в Трев. и подробные сведения о составе мирра, мало что говорившие простому болгарину ХУІІ в. (в Тх. л. 250; Ел. л. 125).

Сокращения: Тх. - Тихонравовский дамаскин; Тр. - Тревенинский дамаскин; Ел. - Еленский дамаскин, нбр. - новоболгарский тип.

И.В. Платонова (Москва)

БОЛГАРСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ХУІІ ВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. ВЛИЯНИЕ ЖАНРА НА НОРМИРОВАННОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. (ПАДЕЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ИМЕЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В КОСТЕНЕЧСКОМ ДАМАСКИНЕ № 503 И БЫЛЕЕ № 485)

Среди памятников болгарской письменности эпохи Реввоождения определенный интерес представляют рукописи ХУІІ в. В это время были написаны дамаскины на литературном языке (ЛН) на народной основе, параллельно создавались ли-

тература на традиционном ЛЯ поздних редакций. В научной литературе отмечается, что нормированность ЛЯ того или иного типа, особенно на уровне лексики и синтаксиса, в значительной степени зависит от жанра произведения.

В докладе предлагается рассмотреть это положение на примере формообразования и функционирования падежей имен существительных в "Слове об апостоле Фоме" в текстах Костенечского дамаскина № 503 и минеи № 485 Церковного музея г. Софии, написанных на традиционном ЛЯ.

В № 503 старое деление на типы склонения по характеру тематического гласного основы утрачивается, ярко очерчивается тенденция к объединению существительных одного грамматического рода в один тип склонения. В языке минеи деление на типы склонения по характеру тематического гласного основы сохраняется лучше.

Флексии косвенных падежей имен существительных старых *-о (м. и спр. р.) и *-а (ж.р.) склонений в обоих памятниках употребляются довольно последовательно, хотя и в № 503, и в № 485 встречаются отклонения, связанные с заменой флексии твердого варианта флексией мягкого, а также ошибочное написание букв из-за обозначения звуков, которых писец уже не различал (напр. Х, ы~и); характерной особенностью минеи является употребление в местн. п. мн. ч. флексий -ОХЬ или -ОВОХЬ.

У существительных, относящихся к старым основам на согласный и *-й, встречаются как флексии этих типов склонения, так и флексии *-о склонения: твор. п. ед. ч. - ДРЬВОМ (503, с. 262), СЛОВОМЬ (485); вин. п. мн. ч. - СЛØВЕСА (503, с. 262); твор. п. мн.ч. - СЛОВЕСИ (485).

Имена существительные с основой на *-й в минеи имеют флексии своего типа склонения, а в дамаскине могут получать и флексии других типов склонения.

В № 503 часто встречаются формы имен существительных на -(І)Е типа КАМЕНІЕ - л. 262.

При функционировании падежей беспредложное употребление, за исключением дат. и род. примененных, дат. косвенного объекта и вин. прямого объекта, непродуктивно и боль-

шей частью является собой процесс адвербиализации существительных. В основном синтаксические отношения имен существительных выражаются падежами с предлогами.

Из-за смешения падежей места и направления в № 503 и № 485 вместо местн. п. иногда употребляется вин. В инструментальном значении и значении образа действия в № 503 чаще употребляется твор. п. с предлогом СЪ, а в № 485 – без предлога. При глаголах с отрицанием в № 503 употребляется лишь вин. п.; в № 485 – и вин., и род. В притяжательном значении в обеих рукописях употребляется и дат., и род. падежи. В № 503 чаще, чем в № 485 в сочетании с предлогами вместо местн., твор. и род. падежей встречается вин. падеж.

Итак, несмотря на то, что Костенечский дамаскин № 503 и минея № 485 написаны в одно время (ХУП в.) и на одном типе литературного языка, в этих рукописях обнаруживаются отличия как в формах, так и в функционирован и падежей.

Е.А.Сорокина (Москва)

СОСТОЯНИЕ НОРМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В КНИЖНОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ ХУП В. НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ

Становление нормы употребления членных форм (ЧФ) является одной из важнейших и малоизученных проблем истории болгарского литературного языка. Изучение этой проблемы на материале памятника письменности ХУП в. представляет особый интерес, поскольку в памятниках среднеболгарской письменности, сохраняющих традиционные нормы, ЧФ представлены лишь спорадичными примерами.

Материалом для исследования послужил Тихонравовский дамаскин, принадлежащий к первым поколениям новоболгарских сборников начала ХУП в. и отражающий состояние живого народного языка того времени. В дамаскине широко представлено употребление ЧФ, что позволяет проанализировать случаи

употребления ЧФ и определить состояние нормы, присущей книжному болгарскому языку ХVII в.

При анализе употребления ЧФ в Тихонравовском дамаскине факты появления ЧФ рассматривались с точки зрения норм современного болгарского языка (СБЯ), следовательно, отмечались не только случаи наличия ЧФ, но и случаи отсутствия ЧФ в соответствии с правилами СБЯ.

Традиционно в СБЯ выделяются 3 функции ЧФ: анафорическая (функция отождествления), функция количественной определенности, генерическая функция. При изучении текста Тихонр. дамаскина были получены следующие результаты:

1. В анафорической функции ЧФ употребляется регулярно, отсутствие же ЧФ в анафорической функции могло быть вызвано рядом причин, например, одна из которых - книжникознательно не выбирает ЧФ для того, чтобы подчеркнуть неизвестность данного предмета (лица, явления) для "действующих лиц" повествования, даже если об этом предмете говорилось выше, и читателю (слушателю) он известен.

2. В функции количественной определенности ЧФ также употребляется регулярно, причем позиция книжника играет в этом случае важную роль: он при помощи ЧФ может указать на полную исчерпанность множества и отсутствием ЧФ, не прибегая к другим средствам, указать на неполныйхват явления, множества.

3. В генерической функции ЧФ, по нашим наблюдениям, в тексте Тихонравовского дамаскина не отмечена. Вероятно, на данном этапе становления нормы употребления ЧФ генерическая функция члена еще не сформировалась.

Надо особо подчеркнуть зависимость выбора/невыбора ЧФ от лексического значения имени существительного. В современном литературном болгарском языке существуют некоторые лексические группы, которые имеют склонность к использованию или общей, или определенной формы. Как нам представляется, в книжном языке ХVII века зависимость употребления ЧФ от лексического значения существительного была более сильной, чем в современном языке.

- В ходе исследования были отмечены лексические группы, не склонные к использованию определенных форм, а именно:
- имена существительные, обозначающие лиц с высоким социальным статусом (царь, дьякон, епископ и др.);
  - имена существительные, обозначающие группы лиц по религиозной, национальной, социальной принадлежности (христиане, персы, граждане);
  - имена существительные, называющие единичные, уникальные предметы, явления (солнце);
  - имена существительные, обозначающие религиозные понятия (рай, воля божья).

Итак, материал показывает, что норма употребления ЧФ в книжном болгарском языке ХУП века находилась в процессе постепенного формирования.

Е.В. Чешко (Москва)

РОЛЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

1. Литературный язык (применительно к изучаемому периоду только письменный) является той формой языка, которая в наибольшей степени подвержена сознательному воздействию общества. Цель этого воздействия, в первую очередь, состоит в том, чтобы сделать этот книжный язык удобопонятным для всех читающих, что достигается путем нормирования передачи на письме человеческой речи (употребление букв и небуквенных знаков, написание слов и морфем). Совершенствование письменного языка требует также пополнения новой лексикой и введения новых грамматических конструкций, более адекватно передающих книжную речь.

2. Социолингвистическим фактором, определяющим развитие древнеболгарского литературного языка, является изменение языковой ситуации, а именно соотношения книжного и народно-разговорного языка. При этом традиционные книжные

нормы приходят в противоречие с изменяющимся фонетическим и грамматическим строем живого языка, что приводит к невольному нарушению письмами литературных норм и по мере накопления этих нарушений к необходимости нового нормирования. Другим социолингвистическим фактором, влиявшим на создание новых норм, является взаимодействие с древнегреческим языком византийских книг, с которых были сделаны славянские переводы. Изменение принципов перевода в XIV в. привело к сильной гречесизации славянских текстов в области синтаксиса, словообразования и лексики.

3. Степень нормативности литературного языка в то или иное время определяется также историко-культурными факторами – степенью стабильности государства, обеспечивающего наличие сильных культурных центров, а также факторами, нарушающими эту стабильность.

4. Трудность учета комбинаторного воздействия разных экстралингвистических факторов на функционирование норм литературного языка делает нецелесообразным построение периодизации истории литературного языка на основе какого-либо одного из этих факторов, пусть даже самого существенного. А так как все изменения литературной нормы, которые происходили в литературном языке под влиянием взаимодействия социолингвистических и историко-культурных факторов, нашли непосредственное отражение в дошедших до нас памятниках письменности, периодизация истории литературного языка и должна строиться на лингвистических наблюдениях за развитием литературной нормы: периодов ее стабильности, упадка и становления новых литературных норм.

5. Периодизация истории литературного языка должна в первую очередь учитывать изменения в области орфографии, которые определялись фонетическими изменениями, происходящими в живом языке. В этом ее отличие от периодизации общей истории языка, которая опирается на изменения в области морфологии, определяющие становление нового грамматического строя – переход от синтетизма к аналитизму, в то время как фонетическим, синтаксическим и лексическим изменениям принадлежит второстепенная роль.

6. В разные периоды истории литературного языка нарушения литературных норм происходят на разных уровнях языка, точно так же и создание новых норм (или восстановление старых). Это не может не учитываться при построении периодизации, хотя реально орфографический фактор остается постоянным.

7. Для каждого периода истории литературного языка определяются те экстраглавицкие факторы, которые обусловили соответствующие изменения литературной нормы, выделяющие данный период, отличающие его от предыдущего.

Г.К.Венедиктов (Москва)

О МЕСТЕ ТРАДИЦИОННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ДВИЖЕНИИ БОЛГАР ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЗА СОЗДАНИЕ НОВОГО ЛИТЕРА- ТУРНОГО ЯЗЫКА

В ряду важнейших задач национально-культурного возрождения, которые предстояло решать болгарскому народу в XIX в., одной из центральных было создание нового общеболгарского литературного языка. Начиная с 20-х годов, когда перед деятелями Возрождения вплотную встает вопрос о создании такого языка, который бы отвечал нуждам зародившегося национально-культурного движения, на протяжении нескольких десятилетий широко обсуждалась и остро дискутировалась проблема характера этого языка и путей его нормализации. Широкий диапазон мнений, высказывавшихся в то время по этой проблеме, можно свести к двум. Одни деятели (архаисты) считали, что этот язык должен создаваться на основе традиционного литературного (книжного) языка, каким в то время на болгарских землях был церковнославянский, отождествлявшийся до середины XIX в. болгарскими деятелями с собственно древнеболгарским, воходящим к традиции Кирилла и Мефодия. Другие возрожденцы (новаторы) полагали, что такой язык должен базироваться на народно-разговорной речи (диалектах, говорах) "того времени. В обоснование необходимости

устройства литературного языка того или другого типа приводились разные аргументы, важнейшими из которых у новаторов было требование общепонятности языка как необходимое условие для его овладения широкими массами населения и скорейшего приобщения их к знаниям, для развития светского образования, литературы и др., а у архайстов – высокая престижность традиционного литературного языка как языка древнеболгарского, необходимая преемственность с ним создаваемого нового литературного языка, недопустимость принятия его до уровня языка необразованных людей, понятность такого языка не только для болгар, но и для других славян.

Функционирующий ниже болгарский литературный язык сформировался в эпоху Возрождения на базе народно-разговорной речи. Между этим языком на стадии его возникновения и формирования и традиционным литературным языком не было прямой преемственности, ибо он не есть результат эволюционирования (перерастания) в него языка традиционного, а представляет собой новое образование в общей истории литературного языка на болгарских землях. Отсутствие прямой преемственности между ними не означает, что формирование норм нового (современного) литературного в эпоху Возрождения проходило в полном отрыве от традиционного языка, без какого-либо воздействия последнего на разные уровни его структуры (звуковой строй, грамматика, лексика), графику и орфографию.

Наряду с литературной обработкой народных говоров и соединением на этой основе нового литературного языка в первые десятилетия движения болгар предпринимались и опыты большей или меньшей болгаризации церковнославянского языка или "ближения" с ним и древнеболгарским формировался нового литературного языка. Такие опыты оказались у болгар не жизнеспособными, быстро сошли со сцены, но в целом они представили довольно пеструю картину попыток нормализации нового литературного языка по пути его арханизации и составляли характерную особенность истории литературного языка в Болгарии до середины XIX в. Опыты эти, однако, не есть факт истории современного болгарского литературного языка.

Очевидно, что если бы в книжной практике болгар в прошлом столетии возобладал какой-либо из предлагавшихся вариантов архаизированного типа литературного языка, то современный болгарский литературный язык имел бы структуру, существенно отличающуюся от той, которая в нем теперь представлена.

Л.Н. Смирнов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. При изучении процессов возникновения и развития славянских литературных языков, органически связанных с эпохой формирования наций, большое внимание уделяется вопросу о народно-разговорной основе этих языков. В полной мере это относится и к освещению истории современного болгарского (новоболгарского) литературного языка.

2. Существует богатейшая научная литература, посвященная проблеме диалектной основы литературного болгарского языка эпохи Возрождения, в которой предлагаются и аргументируются различные подходы к ее решению. Одним из аспектов продолжающихся дискуссий является определение роли монодиалектного или полидиалектного характера народно-разговорной основы. При этом обычно усматривается прямая связь между местными болгарскими говорами и формирующемся на их основе литературным языком.

3. Между тем ряд исследователей считает возможным говорить о своеобразной интердиалектной (междиалектной) основе современного болгарского литературного языка. Одним из проявлений такой позиции является утверждение о том, что его основой послужило разговорное культурное ядро городского населения (С.Б. Бериштейн). Эта идея не получила поддержки. Хотя определенная роль городских говоров некоторых культурных центров в процессе становления лите-

ратурных норм болгарского языка признается, все же существование общеболгарского наддиалектного или междиалектного койне категорически отрицается.

4. Как нам представляется, вопрос об интэрдиалектном характере основы современного болгарского литературного языка нуждается в дальнейшем осмыслении. Ведь речь в этом случае может идти не обязательно об общеболгарском междиалектном образовании. Вполне допустимы и другие формы интэрдиалектной основы. Принципиально важным является положение о возможности переходной ступени развития от местных говоров к литературному языку. В связи с этим можно обратиться к понятию культурного интэрдиалекта.

5. Прежде всего необходимо уяснить, какое содержание мы вкладываем в это понятие. По нашему мнению культурный интэрдиалект (далее КИ) характеризуется следующими основными признаками:

Для КИ типична непосредственная связь с народно-разговорной речью определенного этнического коллектива. Это является необходимой предпосылкой того, чтобы он мог стать исходной базой национального литературного языка.

КИ является формацией междиалектного (полидиалектного) характера, в структуре которой сосуществуют элементы разных местных говоров, а также других идиомов (в том числе письменных), используемых данным социумом.

Неотъемлемой чертой КИ является его наддиалектная функция. Он используется носителями разных говоров и диалектов.

Сфера употребления КИ значительно шире, чем у местных говоров. В этом отношении он в известной мере предвосхищает функциональную поливалентность национального литературного языка.

Можно говорить об ограниченности социальной базы КИ. Его носителями являются главным образом образованные люди, духовная и светская интеллигенция, объединяющаяся вокруг определенного культурного центра.

Для КИ типичны черты разговорного идиома. Он выступа-

ет прежде всего в устной форме, однако может иметь и письменную фиксацию.

КИ отличает подвижность, недостаточная стабильность норм. Как правило, он является некодифицированным языковым идиомом.

Названные черты (в конкретной языковой ситуации они могут проявляться в большей или меньшей степени) характеризуют основные параметры своеобразной языковой формации, которая служит для удовлетворения потребностей общественно-культурной коммуникации и национальной консолидации этнического коллектива в период до возникновения национального литературного языка.

6. Пока нет оснований утверждать, что в истории болгарского литературного языка имела место такая формация. Однако по мнению некоторых болгарских ученых на начальном этапе Возрождения существовали элементы подобной еще неразвитой языковой формации (Р.Русинов).

Б.Ю. Норман (Минск)

СТЯЖЕНИЕ КАК ЖИВОЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В БОЛГАРСКОЙ РЕЧИ

Среди разнообразных синтаксических процессов в живой болгарской речи важное место занимает стяжение (компресия) синтаксической структуры высказывания. Как и эллипсис (незаполнение словоформой синтаксической позиции), стяжение обусловлено тенденцией к экономии языковых средств, к лаконичности речи, к увеличению роли так называемого вертикального контекста, что, в свою очередь, находится в прямой связи с убыстряющимся темпом общественного развития, со сложным и динамичным характером окружающей среды, с выработкой новых социолингвистических норм. Однако если эллипсис сравнительно хорошо описан в болгарской грамматике, то стяжение пока что не находит себе специального от-

ражения в лингвистической литературе.

Стяжение - это разновидность трансформационного процесса. Исходная синтаксическая конструкция преобразуется в грамматике говорящего таким образом, что одна из участвующих в ней семем перемещается вверх в структуре высказывания (ближе к его структурной вершине), а другая освобождается для первой позиции и исчезает вместе с освободившейся периодичной позицией. Примеры: увеличих производството на цървулите - увеличих цървули ("Преди всичко увеличих гумени цървули" - К. Калчев); записам се студент по философия - записвам (се) философия ("Той си поплака, когато записаше тази философия" - Д. Фучеджиев); поемам пъти за Балкана - поемам за Балкана ("Ботев исел за Балкана" - ж. "Отечество"). Если "дерево" высказывания включает в себя более трех уровней подчинения, то такой процесс может проходить в несколько стадий, и на каждой стадии семена, вытесняющая своего конкурента, поднимается на ступеньку выше в иерархии подчинительных связей, ср.: завършил следването по специалност "плакат" - завършил специалност "плакат" - завършил плакат и т.п.

Очевидно, что такое формальное упрощение конструкции есть, по существу, ее семантическое усложнение. Поэтому процесс стяжения имеет в качестве своего следствия не только образование новых словосочетаний (с новыми типовыми значениями), но и сдвиг в лексической семантике участвующих в данном процессе слов.

Стяжение - универсальный семантико-синтаксический процесс, характерный для всего славянского зреала. Но в каждом языке он имеет свои специфические проявления. В частности, в современном болгарском синтаксисе смещение своеобразно отражается на функционировании предлогов. Так, возникновение синтаксических инноваций - конструкций с предлогом в, типа стичиме в Томеи, чакайте утре във вас, ще се срещнем във тях и т.п., может быть объяснено именно внутренними причинами - семантико-синтаксической компрессией выражений отиваща в къмката на Томеи, чакайте във вашия апартамент и

т.п. Чрезвычайно интересной особенностью болгарского синтаксиса являются сочетания предлогов, которые также могут быть истолкованы как результат стяжения синтаксической структуры высказывания, ср. примеры: "Още една тежка вика за пред съда по-късно" ("Наралели"); "Запазени дами на по 40 – 45 години търсеха млади девойки..." ("Стършел"); "Доходят му се е увеличил от няколко афгана на над сто рубли месечно..." ("Стършел"); "Ще трябва да склоня тук и неговите ръкавици, само с по един пръст – за палецата..." (Й. Радичков). Здесь один из предлогов становится как бы знаком сокращенной позиции, намеком на отсутствующую словоформу. В полном же виде конструкция может быть восстановлена примерно таким образом: за пред съда – за представяне пред съда, на по 40–45 години – на възраст по 40–45 години, на над сто рубли – на сума над сто рубли и т.п.

В целом можно утверждать, что стяжение, характерное более всего для разговорной речи, расширяет в современном болгарском языке сферу своего стилистического применения.

Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург)

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди новых явлений в болгарском языке на уровне синтаксиса внимание заслуживает прежде всего ослабление синтаксических связей, дающее эффект расчлененности синтагматической цепи. Активизация расчлененных построений как новый процесс в языковой системе связана с проникновением в письменную речь многих форм и конструкций разговорной речи, проекции эми стилистических переносов.

Расчлененность синтагматической цепи является структурной основой для развития конструкций экспрессивного синтаксиса. Эти конструкции представлены в письменной форме речи в авторском повествовании и используются для интенсивного воздействия на читателя. К ним относятся пер-

целлированные и сегментированные построения, цепочки номинативных предложений, вставки, лексические повторы с синтаксическим распространением и некоторые другие. Расчлененность как общее структурное свойство экспрессивных построений проявляется в каждой из конструкций по-особому. Любая экспрессивная конструкция использует расчлененность для подчеркивания, выделения, актуализации необходимых автору сторон высказывания. Так, парцеляция выделяет информацию через ее прерывистое, постепенное добавление. В лексико-синтаксическом повторе актуализация единицы обусловлена ее повторением при расширении синтаксического окружения. Вставная конструкция актуализирует информацию путем вынесения ее в другую смысловую плоскость.

Экспрессивность данных синтаксических конструкций является заданной, преднамеренной, возникающей при сознательном моделировании определенного воздействия. В расчлененных построениях заложен "экспрессивный потенциал", т.к. выражительные возможности конструкции не обязательно могут реализоваться. Так, употребленные в научном и деловом стилях, расчлененные конструкции часто лишены экспрессивного оттенка и стилистически нейтральны.

Экспрессивные синтаксические конструкции способны увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх степени, достигнутой значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы. При этом экспрессивность конструкции связана с ее расчлененностью, позволяющей представить информацию в актуализированной, намеренно подчеркнутой форме.

Г.В. Крылова (Санкт-Петербург)

ОМОФОРМИЯ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Болгарский язык занимает особое место среди славянских языков, будучи типологически отличным от них и "многими своими чертами является экзотическим". Квалификация болгарского языка как аналитического еще не дает полного

представления о его грамматическом строе. Особенность болгарского аналитизма заключается в том, что в имени существительном он занимает господствующее положение, а в местоимении, прилагательном и, главным образом, в глаголе своеобразно сосуществует с синтетическими формами. Это, в частности, обуславливает специфический характер омонимии грамматических форм, проявляющейся лишь в синтетических формах.

2. Омонимические явления вообще и, в частности, в болгарском языке, изучены недостаточно, налицо противоречивость их описания в лингвистической литературе. В омонимии, которую некоторые исследователи считают языковой универсалией (напр., Л.В. Малаховский), следует различать ее проявление на разных языковых уровнях – лексическом и грамматическом. Грамматическая омонимия или омоформия – это омонимия словоформ. В свою очередь омоформия явление неоднородное и может быть представлена разными типами.

3. Исследователи по-разному трактуют понятие омоформии. Спорным моментом являются принципы выделения грамматических омонимов и разграничение омонимии и полисемии. (Ср., например, формы болгарского перфекта, адмиратива, конклюзива, пересказывательного наклонения в парадигме любого болгарского глагола).

4. Объектом анализа является так называемая внутрилексемная омоформия, т.е. омонимичные формы в парадигме одной части речи на примере парадигмы глагола, местоимения, прилагательного.

Внутрилексемные омоформы различаются в плане содержания частными грамматическими значениями: времени, наклонения, лица, числа, реже падежа.

5. Исследование омоформии представляется особенно актуальным в связи с практикой составления словарей. В частности, при создании частотного словаря поэзии Н. Вапцарова, в котором представлены частотные характеристики словоформ, возникли трудности в разграничении и индексации грамматических омонимов.

Раздел II. НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА. ФОЛЬКЛОР.

Ю.И. Смирнов (Москва)

ВРЕМЯ БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

На народную культуру (фольклор) болгар, как, впрочем, и других народов, обычно смотрят со стороны или свысока, отсюда — постоянные искажения увиденного в народной культуре. Объективным же был бы не взгляд и даже не некое обозрение, подчиненное узкому взгляду, а изображение самого феномена, эволюционирующего во времени. Никто почему-то не замечает, что еще лет тридцать назад болгарская народная культура господствовала в своем *еществе* по числу пользователей, потенциальных исполнителей и творцов.

Болгарская народная культура выросла из славянской, ранее безраздельно существовавшей около тысячелетия. Все основные фольклорные жанры, значительные наборы произведений и описаний функций и атрибутов персонажей, богатый инвентарь художественных средств, многие календарные (общественные) и семейные обряды и обычай были унаследованы болгарской народной культурой от славянской. На протяжении своей жизни болгарская народная культура неизменно и последовательно воспроизводила унаследованное в виде великого множества эволюционных производных, вариантов, версий и параллельных форм (сюжетов-дублей). Отталкиваясь от унаследованного, она создавала и новообразования. Процесс становления болгарской народной культуры — это длительное культурное обособление славянских групп, волею судьбы оказавшихся в определенной части Балкан, в новых природных условиях, в ином, активно влияющем и меняющемся этническом окружении.

Болгарская народная культура зародилась с того времени, как стала формироваться болгарская государственность, и окончательно сложилась в пору турецкого ига. Ее жизнь

протекала почти в постоянном противопоставлении с иноэтнической культурой той или иной социальной верхушки. Параллельное сосуществование болгарской народной культуры с иноэтническими по своему характеру культурами господствующего класса — особенность исторического бытия болгар, и, наверное, оттого болгарский фольклор был одновременно консервативным и очень продуктивным.

Болгарская народная культура ничего не взяла от кочевнической культуры протоболгар-турок. Она шла к христианизации через приверженность к славянскому наследию, через богословие, через культурное сплочение в условиях турецкого ига, и в результате православие оказалось всего лишь приспособленным к духовным нуждам болгарского народа. Она испытывала сильное воздействие культуры греков (византийской, новогреческой народной) и турецкого суперэтноса, имеющего очень пестрые этнические и культурные корни. Со второй половины XIX в. болгарская народная культура противостояла космополитичным по характеру культурам уже собственной этнической элиты. Это противостояние теперь завершилось.

Социальное большинство перестало выступать хранителями и передатчиками болгарской народной культуры. Массовая культура и другие виды космополитической культуры решительно, даже агрессивно вытесняют народную культуру из бытования. Время естественного бытования болгарской народной культуры истекает. Ее отмирание в естественных формах неизбежно и необратимо, однако культивирование ее в формах, приемлемых и излюбленных для социальной элиты, возможно еще достаточно долго.

ФОЛЬКЛОР В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ПЕРИОДА БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Формирование из отдельных этнических, этносоциальных, историко-географических групп в рамках единого этнического организма нового типа этнической общности – болгарской нации.

Новые черты этнокультурной, позже национальной общности, проявляющиеся в духовной культуре болгар, своеобразно объединившей народную, клерикальную, городскую и сельскую культуры.

Усилившееся влияние фольклора на патриотическое и художественное самосознание болгар при отсутствии или ограниченности доступа к историческим и литературным источникам.

Особая актуальность призывов к защите "своей веры", звучавших в народном творчестве и приобретших значение призывов к защите законов бытия, вековых устоев быта, обычаяев, мировоззренческих позиций болгарского народа, жившего в условиях инонационального и инорелигиозного засилия.

Главные аспекты проблемы участия фольклора в этнокультурных процессах болгарского Возрождения:

- появление фольклорного и фольклоризированного творчества с господствующей идеей национального патриотизма, черты которого обнаруживаются в гайдушких песнях и являются доминирующими в творчестве "возрожденских" поэтов;
- привлечение традиционного фольклора деятелями культуры и науки как основы формирования общенационального литературного языка, художественной литературы и научной истории;
- создание новой отрасли гуманитарных знаний – фольклористики, направленной на первом этапе на активное собирательство фольклорных материалов как базы национально-культурной деятельности участников болгарского Возрождения.

В.В. Усачева (Москва)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ БОЛГАРСКОГО НАРОДА В ЭПИСТОЛИРНОМ НАСЛЕДИИ КУЗМАНА ШАПКАРЕВА

Начало собирательской деятельности К.Шапкарева приходится на 50-е годы XIX в. Труды Ю.И. Венелина, носящие следы наивно-романтических увлечений, оказали сильное воздействие на целые поколения болгарских просветителей и революционеров, вызвав в них интерес к фольклорному богатству своего народа. К фольклору, отражающему герическое прошлое народа, его высокую духовность, обращались В.Е. Априлов, Г.С. Раковский, Н. Геров, П.Р. Славейков. В результате знакомства с творчеством Венелина и переписки с ним Априлов сформулировал свою задачу так: фиксировать все, что видел и слышал, проникая вглубь народной культуры, постигая ее глубинный смысл, осознавая важность аутентичных записей фольклорных текстов для науки. Под непосредственным влиянием Ю. Венелина формировалась не только тематическая, но и идеальная направленность нарождавшейся науки – народоведения. Главное в этом направлении – изучение и осмысление народной культуры как исторического свидетельства о прошлом народа, о славянском характере его культуры и о его этнической самобытности. Это было важно не только для науки, это было стимулом в стремлении болгарского народа к свободе и независимости. Этногенетический аспект фольклора был центральным в работе по собиранию произведений народного творчества.

К. Шапкарев начал собирать и записывать песни в 1855 г. в Македонии под руководством своего дяди учителя Я.Стрезова. Огромное впечатление оказал на молодого учителя вышедший в 1861 г. Сборник народных песен Д. и К. Миладиновых, раскрывший перед научным миром богатство болгарского народного творчества и ставший источником для многочисленных научных исследований. Выход Сборника был импульсом к ак-

тической собирательской деятельности, в результате которой появился многочисленные фольклорные сборники, содержащие новые богатые материалы, собранные непосредственно из уст народа.

Личное знакомство с Миладиновыми и Ст. Верковичем пробуждает в К. Шапкареве стремление всерьез познакомиться с фольклорной традицией народа. Собирание, изучение, публикация текстов песен, сказок, пословиц, верований, обычаяев становится главным делом его жизни. Обращение к культуре своего народа, который, несмотря на века гонений и притеснений, сохранил ее и передавал из поколения в поколение, убедило Шапкарева в том, что черты культурного, языкового единства надо искать и показывать через народные песни, обычай, верования, т.е. через все то, что и самими носителями культуры осознается как постоянный и существенный элемент болгарского этноса.

В письмах Т.Д. Флоринскому, профессору Киевского университета, периода 1866-1895 гг. (хранятся в Отделе рукописей Киевской центральной научной библиотеки и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) Шапкарев сообщает о своих работах, опубликованных им анонимно в разных периодических изданиях, выходивших в Цареграде, Браиле, Белграде, Пловдиве. В них печатались небольшие заметки, содержащие описание отдельных местностей (Кукуш, Прилеп), заметки этнографического характера, статьи по первовому вопросу о преследовании греческим духовенством всего славянского и др. К. Шапкарев сообщает своему корреспонденту о том, что в 1867-1871 гг. издал 7-8 учебников на македоноболгарском наречии, которые, по его словам, в большой степени способствовали прогрессу. Эти письма позволяют увидеть К. Шапкарева не только как этнографа и фольклориста, но и как соратника и единомышленника Димитрия Миладинова, неутанно боравшегося с греческим духовенством за введение болгарского языка в школах и церквях, за укрепление национального самосознания народа. Шапкарев тщательно собирал сведения, касающиеся

трагической гибели братьев (см. его "Материалы за животописание на Брата Миладинови Димитрия и Константина с прибавлением нещо и за живота на Нако С. Станишев"). Побираясь написать обстоятельную историю их жизни. В одном из писем он рассказал о подготовке сочинения "Материалы за историята на Възраждането българщината в Македония. 1854-1884".

Главной темой писем является судьба подготовленного Сборника народного творчества, его содержание и структура. Шапкарев рассказывает Флоринскому о том, что постоянно растет число собранных им текстов: песен собрано уже 700, загадок 400, сказок 156. Увеличивается и количество записанных обычаяев и обрядов. О своих попытках добить средства на издание этого ценного собрания болгарский фольклорист также поведал Т.Д. Флоринскому. Благодаря посредничеству М.С. Дринова, некоторую денежную помощь Шапкареву оказали Петербургский славянский благотворительный комитет, Русское Географическое общество и Киевское славянское благотворительное общество. Так была издана первая книга Сборника (1891 г.).

По словам П. Динекова, примером для Кузмана Шапкарева в его деятельности были братья Миладиновы; он поставил целью своей жизни собрать все, что еще не было исчерпано его предшественниками. Он надеялся, что и его труд послужит ученым и исследователям и побудит других заняться собиранием и изучением произведений народного творчества и духовной культуры в целом. И хотя опубликованные работы Шапкарева не лишены недостатков и ошибок, свойственных первым опытам подобного рода, его заслуги перед наукой трудно переоценить: богатство материалов, разнообразие жанров, сюжетов, большое количество вариантов, фонетический принцип записи, указание места и имени исполнителя, равно как и широкий географический охват, делают их незаурядным явлением научной жизни конца XIX в., ценным источником сведений о народной культуре, о жизни славянских народов.

П.А. БЕССОНОВ О РОЛИ ФОЛЬКЛОРА В ИЗУЧЕНИИ
БОЛГАРСКОГО ХАЙДУКСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В изданном Петром Бессоновым (1828-1898) наиболее полном для своего времени сборнике "Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар" (М., 1855. Вып. I) подчеркивается огромное значение "живого, простого народного языка" (с. Ш) в сохранении исторической памяти народа, в возрождении болгарской культуры.

В течение многих лет "Болгарские песни..." являлись основным источником изучения в России болгарского фольклора. Не смотря на трудность определения времени "происхождения и создания той или иной песни" (с. I), применение метода сопоставления эпических песен с историческими реалиями позволило ученому пролить свет на многие стороны жизнедеятельности не только хайдуков, но и всего болгарского общества в эпоху османского господства.

Завышенная оценка влияния сербского народного творчества на болгар привела ученого к выводу об отсутствии периодов в развитии болгарского эпоса, который "есть преимущественно эпос хайдуков" (с. 100), что не помешало П.А. Бессонову отметить с одной стороны независимое, самобытное развитие хайдучества у болгар и сербов, а с другой - объединяющую, главную причину возникновения данного движения - отрицательное "отношение славянского народонаселения к владычеству турок" (с. 102).

Большой интерес представляет попытка анализа термина "хайдук", его синонимов у славян и у турок, "облагораживание" названия хайдука у болгар и сербов (с. 110-111); перечисление основных районов действий хайдуков (с. 111-112).

Эпические песни дали П.А. Бессонову прекрасный материал для выяснения вопросов: о причинах ухода в хайдуки, об организационной структуре дружин (чет), о названиях дружиныхников, условиях принятия в дружину, о взаимоотношениях

между дружинами, их примерной ("эпической") численности и направленности действий, о методах борьбы турецких племен с хайдуками и др. (с. 115-133).

Наряду с положительными чертами хайдучества И.И. Бозонов не преминул отметить происходившую со временем трансформацию в действиях хайдуков - от первоначальной цели "вредить сколько можно туркам" (с. 127), хайдуки "мало по малу... привыкали нападать... даже на бедных... соотчичей" (с. 127), становясь для болгар "если уже не врагом, то по крайности человеком страшным и опасным..." (с. 128). Но "в идее" в народном сознании хайдук продолжал оставаться борцом против турецких завоевателей и всегда должен был "отличаться от воров и мошенников..." (с. 116).

В.З. Фрадкин (Харьков)

М.С. ДРИНОВ И РАЗВИТИЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА УКРАИНЕ

Разносторонняя и плодотворная научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность выдающегося болгарского ученого и гражданина, профессора Харьковского университета Марина Дринова уже почти целое столетие привлекает внимание славянских исследователей как свидетельство благодарной памяти братских народов к величию его заслуг на научном и общественном поприще.

На фоне достигнутых успехов в освещении жизненного пути и славистического наследия ученого как бы в тени остается его приоритет в организации общественных форм научно-просветительской деятельности и вклад в развитие фольклорно-этнографических исследований на Украине. Объясняется это прежде всего тем, что долгое время не подвергалось обстоятельному изучению истории созданного по его инициативе и при личном участии Харьковского историко-филологического общества (1877), завершившего в кратчайшие сроки заслужен-

ный авторитет и признание в славянском научном мире.

Документальные материалы, научная продукция членов ХИФО свидетельствует, что 90-е г. XIX в., когда Общество возглавлял М. Дринов, стали переломными в его истории. Оно, по отзывам зарубежных славистов-современников, было единственным в Европе университетским обществом, развернувшим академическую кастовость и успешно сочетающим в своей работе сугубо научные интересы и разнообразные формы просветительской деятельности.

Анализ многогранного наследия ХИФО позволил установить, что динамика его просветительской работы находилась в органической связи с достижениями в области изучения духовной и материальной культуры народных масс, чему в немалой степени способствовал М. Дринов. С его избранием на пост председателя ХИФО, не располагая средствами, предприняло энергичные шаги по историко-этнографическому изучению Слободской Украины. С этой целью (и здесь, очевидно, пригодился болгарский опыт М.Дринова) члены Общества развернули активную пропаганду фольклорно-этнографических знаний на страницах краевой печати, подготовили и опубликовали свыше 10 программ с методическими указаниями по сбору историко-этнографических, фольклорных, диалектологических и других материалов, по описанию населенных пунктов. Размноженные типографским способом и разосланные в адрес уездных земств, эти программы стали руководящим пособием для любителей-краеведов, местной интеллигенции и студенческой молодежи. Благодаря бескорыстной, трудоемкой и кропотливой работе М.Дринова и его учеников: И.Ф.Сумцова, М.Г.Халанского, Е.К.Редина, А.В.Бетухова и др. по редактированию поступавших материалов в 90-е годы были введены в научный оборот ценнейшие сборники народных песен, сказок, пословиц, поговорок, обрядов и т.д., послуживших источником для многих поколений исследователей духовной культуры и быта украинского народа.

Таким образом, сквозь призму успешной деятельности летчица М. Дринова - ХИФО следует рассматривать и его лич-

ный вклад в организацию и развертывание фольклорно-этнографических исследований на Украине.

Т.Ф. Семенова (Москва)

ОТРАЖЕНИЕ КАРПАТО-БАЛКАНСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БОЛГАРСКОЙ ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Наличие карпато-балканских сходствений в основном на западе и юге в славянских диалектах на территории современных Болгарии, Македонии во многом, очевидно, объясняется историческими причинами, в частности, конфессиональными. Со временем расселения славян на Балканах этническая граница между новыми жителями полуострова и коренным греческим населением не имела четкой линии. Значительные группы славян проживали в областях с преобладающим греческим населением. Особенно сложной была ситуация в Македонии и Северной Фракии, где политическая граница империи о Болгарией в целом проходила севернее этнического размежевания между двумя государствами, а их население вынуждено менять подданство. Славяне северных областей Византии никогда не утрачивали связей с этнически родственным им населением Болгарии, избежав таким образом ассимиляции. Хотя Византия не проводила насильственную христианизацию своих славянских подданных, все же этот процесс прошел там ранее, чем в Болгарии, а завершение его совпало с крещением Болгарии. Славяне империи были важным связующим звеном болгаро-византийского взаимодействия, особенно была велика их связующая роль в период утверждения и распространения христианства в Болгарии. Христианизация византийских славян в IX-X вв. была, несомненно, более глубокой и полной, чем у соседних с ними болгар.

По-видимому, эти причины (языческое окружение, более ранняя христианизация) способствовали сохранению в указанных районах наиболее старой лексики, связанной с карпато-

балканской миграцией славян. В ряде случаев происходила специализация значений в обрядовой лексике, связанной с христианством. Примером этому могут служить болгарские лексемы задушница и помен. Первая из них имеет значение: 'поминки' (общие), вторая: 'поминки' (индивидуальные), что связано с христианскими обрядами поминования усопших.

В докладе на примере приведенных и еще ряда лексем рассматривается процесс специализации значений болгарской обрядовой лексики в сравнении с материалами других языков карпато-балканского региона.

Е.С. Чирьева (Москва)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРЯДОВЫХ ЛИЦ БОЛГАРСКОЙ СВАДЬБЫ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ)

Будучи фрагментом духовной культуры, свадьба привлекала внимание ученых различных дисциплин. Однако свадебная терминология оставалась неисследованной. В докладе будут рассмотрены некоторые аспекты диалектного словообразования на примере группы лексем, обозначающих персонажей болгарской свадьбы.

В процессе словообразования существенную роль играет как мотивирующая основа, так и словообразующий формант. Мотивирующая основа может быть простой (бегач - вестоносец на свадьбе) и составной (доброгласник - вестоносец на свадьбе). Исходя из характера мотивирующей основы, можно выделить 4 словообразовательных типа. В них обнаруживается разная соотнесенность между компонентами ономастиологической структуры.

I. *Nomina agentis* – лицо-производитель действия при глагольной мотивирующей основе. Отношение: субстанция – процессуальность (договорник – сват, который договаривается о свадьбе). Особый случай представляют собой носители действия или результата какой-либо деятельности – *patientes* (заложник – веселый свадебный персонаж, которого

держат заложником).

2. *Nomina actoris* - выражает отношение субстанции к подразумеваемой процессуальности при субстантивной мотивирующей основе (обушар - гость на свадьбе, который получает в подарок обувь - обуша).

3. *Nomina attributa* - имена - носители определенного качества, свойства (тройник - один из трех деверей на свадьбе).

4. Имена - носители субстанциональных отношений при субстантивной мотивирующей основе (воскумак - помощник кума).

Большой интерес представляют первые два типа. В каждом из них выделяются несколько подтипов. Для *nomina agentis* - это названия, образованные от единичного действия, легшего в момент его осуществления в основу временного обозначения лица (откупчийка - женщина, которая выкупает приданое невесты) или постоянного названия лица (бегалица - девушка, вышедшая замуж без согласия родителей). Для *nomina actoris* - это наименования лиц, образованные от названий предметов (обрядовых или необрядовых), с которыми связана определенная деятельность (милицарин - мужчина, который несет свадебное деревце-милиция; тиганчар - гость, который получает в дар свовороду-тигáн) или названия лиц, образованные от наименований обряда (мънейчик - сват, который участвует в помолвке - мъней).

При рассмотрении этих двух словообразовательных типов выявились следующие основные группы терминов: собственно диалектные, т.е. не встречающиеся в литературном языке (снобник - сват) и термины, сходные по структуре с подобными наименованиями в лит. яз. (годеник - жених). Подробнее группы будут рассмотрены в докладе.

При сравнении имен ж.р. с соответствующими образованиями м.р. выделяются 3 группы имен, обозначающих обрядовых персонажей-женщин: а) названия, образованные прибавлением к основе м.р. суффикса ж.р. (келéш - келéш-ка), б) названия, образованные одновременно с терминами м.р. (изгорá - изгорáтиц), в) группа терминов, где образования

ж.р. не имеют соответствий в м.р. (засéвка – девушка, готовящая свадебный хлеб).

Наиболее продуктивными для обоих словообразовательных типов являются форманты -ник, -ер, -чия/чия.

При рассмотрении вышеуказанных типов словообразования в терминологической группе обрядовых лиц выявились следующие два вида диалектных словообразующих формантов: а) собственно диалектные суффиксы, т.е. не встречающиеся в лнт. яз. (для м.р. -ящ, -ыл, -як; для ж.р. -ул'a, -тина, -ил); б) словообразовательные компоненты, являющиеся диалектными в функциональном отношении (-ан, -ик, -ок, -ер, -к'a).

Итак, болгарские говоры предлагают большое разнообразие наименований для обозначения обрядовых лиц на свадьбе. Многочисленные диалектные термины, словообразующие форманты и их дериваты (акцентные, фонетические, морфонологические), а также некоторые словообразовательные типы встречаются только в диалектах. Это является подтверждением широких словообразовательных возможностей болгарских говоров.

Т.Н. Молошная (Москва)

СТРУКТУРА ТЕКСТА БОЛГАРСКОЙ ЗАГАДКИ

В загадке, также как в пословице и поговорке, заложены основные черты архаической народной культуры. Это символический способ описания мира, отражающий древний тип мышления, "картину мира", свойственную народу, его менталитет.

По формальной структуре тексты загадок примечательно кратки и компактны. Однако в них используется большое количество различных синтаксических средств. Данный тезис будет проиллюстрирован на примерах простых предложений из сборника Ст. Стояковой "Български народни гатанки". София, 1970.

Хотя образная часть загадки по своей сути всегда есть вопрос, адресованный собеседнику, вопросительные предложения встречаются реже, чем можно было бы ожидать. Загадывание осуществляется в основном с помощью предложений синтаксически невопросительных. Почти все обнаруженные вопросительные конструкции относятся к специально-вопросительным, содержащим вопросительное слово: Без кое светът не може? = имя [346]. Побудительных предложений также меньше, чем могло бы быть в текстах исходно диалогических. Побудительные предложения в загадках чаще всего входят в состав сложных: Дрипава циганката – разърни и дрите, изеш ѹ сладко-то = виноградная лоза [412]. Отмечается явное преобладание повествовательных предложений. Среди них очень частотны отрицательные предложения: Снага нема, а се вижда = тень [172]. Это связано с тем, что отрицание, противопоставленное утверждению, действий, объектов, свойств (антонимическое противопоставление), является одним из основных приемов организации текста загадки.

Чрезвычайная краткость, скомпрессованность текста загадки определяет многие характеристики синтаксиса простого предложения, например, частое использование односоставных предложений: а) номинативных (Червени капки, зелени опашки = черешня [389]; Един овен, девет кожи = репчатый лук [792] и б) бесподлежащих глагольных (Оди та лише, кълката си на рамо носи = улитка [1334]).

К таким же характеристикам можно отнести бессокзное соединение однородных членов предложения: От небето пада, на земята спи, в ражете са топи = снег [318]. Причем эта связь чаще всего имеет противительное значение: Лете умира от студ, зиме умира от жегу = печь [320].

Частотность пассивных причастий без вспомогательного глагола в сказуемом также объясняется стремлением языка загадки к экономии: Китка накичена, през море зафичена = солница [84].

Лаконичности изложения, казалось бы, противоречат характерные для загадок полторы типа Мета, мета, но се измини-

та, нося, нося, не се изнася = свет [182]. Но повторы необходимы для эмфатического выделения слов в тексте и для его ритмической организации. Кроме того, они никогда не бывают распространенными и не намного удлиняют предложение.

Бесспорной грамматической особенностью загадки является абсолютное преобладание настоящего времени в сказуемом. Это связано с тем, что загадка сообщает о постоянном, фактически вневременном действии, а формы наст. вр. обладают способностью называть подобное действие. Нередко встречающиеся формы перфекта, в которых вспомогают глагол почти всегда опущен, возможны потому, что перфект обозначает состояние в настоящем, явившееся результатом прошедшего действия, т.е. фактически относит событие в область настоящего: Син-зеден лист цялата земя похлупид = небо [3].

Преимущественное употребление форм 3 лица в сказуемом также объясняется общей особенностью структуры загадки – в двусоставном предложении подлежащим почти всегда служит существительное, требующее согласования с 3 лицом (Сам господ с кавал в гори свири = ветер [203]); в бесподлежащем предложении сказуемое чаще всего согласуется с отгадкой, т.е. также с существительным (През прозорела влиза и не го чупи = свет [181]).

И.А. Седакова (Москва)

ЭПИТЕТ В БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Специфика пословичного жанра (афористичность, лаконичность, знаковый характер) не допускает развернутых описаний и соответственно широкого употребления второстепенных членов предложения. Если же в паремии используется определение, то именно на нем строится семантическая и логико-семиотическая конструкция высказывания. При этом

характерные для других жанров фольклора постоянные, украшающие и описательные эпитеты встречаются в болгарских паремиях очень редко. Употребление эпитета подчинено иной, не орнаменталистической, цели – сделать высказывание более четким, логически понятным, добиться высокой степени обобщенности.

В пословице самым существенным для эпитета критерием является его семиотичность и оценочный характер, что относится с дидактизмом жанра. Общее противопоставление "хороший-плохой" ("положительный-отрицательный") реализуется в болгарских пословицах и поговорках во множестве частных оппозиций, выражаемых определениями: "молодой-старый", "здоровый-больной", "свой-чужой", "умный-глупый" и др.

Набор эпитетов в паремиях, как и вообще в фольклоре, невелик. Пословичные определения образуют четкую систему антонимов и синонимов, приобретающих в конкретном высказывании дополнительную, оценочную и семиотическую информацию. В контексте закрепленное за членами архаичных оппозиций место может меняться, ср. интерпретацию противопоставления "свой-чужой" в болгарских пословицах: "Сяка чужда коза е пълна с лой" и "По-добре свое яйце, а не чужда кокошка". Семантическим инвариантом для пословиц первой группы может служить выражение "Чуждото се е похубаво и по-сладко", а для второй – "Чуждото си е чуждо".

Доминирующая роль эпитета в структуре пословицы не вызывает сомнений. Прилагательное является в паремии темой, которая выбирает и рему, и сам характер логического построения пословицы. Так, выявление в реалии характерной черты, признака или свойства определяет модальность высказывания (пословица-запрет, предупреждение, гипотеза, рекомендация и др.): "Ако ти е коня slab, не прескачай с него трап", "Гнила прежда на здрав плат не става", "Гладен гост и качамак яде" и др.

Особый интерес представляет анализ двусоставных болгарских пословиц с двумя эпитетами. Один из частных прие-

мсв композиции подобных паремий – использование антонимичных прилагательных, которые создают логико-семиотическую модель (Г.Л. Цермяков) несоответствия: "Свидлива майка, крадлини деца", "Дребен му боят, големи му белите"; "Отеънка гиездава, отътре гиездава" и др. Эллипсис сказуемого, не характерный для болгарского языка, усиливает семантическую и семиотическую нагруженность определения.

Повторение одного эпитета используется в логико-семиотических моделях с общим значением соответствия: "Искаш голяма лъжца, вземи и голяма мотика"; "Малки деца – малка беля, големи деца – голяма" и др.

В докладе содержится подробный семантический и семиотический анализ эпитетов и их места в логическом построении болгарских пословиц и поговорок.

Е.В. Соловьева (Москва)

ПРОБЛЕМА ВАРЫРОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ В БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФИТОЛЕКСИКЕ

Диалектные ботанические термины – составная часть лексики духовной культуры болгар, исследование которой столь актуально в наши дни.

Болгарская диалектная фитолексика очень разнообразна, при этом одно растение обозначается несколькими лексемами. Междиалектные синонимы могут различаться: 1) основами (при сохранении единого форманта) – синиче, модриче – 'асильтек'; 2) формантами (при сохранении общей словообразовательной основы) – жътениче, жътурче – 'лютик'; 3) всей ономасиологической структурой слова – поддумиле, сополиче – 'подснежник'.

Среди словообразовательных типов в болгарском языке выделяются словообразовательные диалектизмы, делящиеся на две группы: частичные и полные (по Ст. Стоянову). Частичные диалектизмы подразделяются на инвентарные, в которых

используются аффиксы, не являющиеся общенародными, и дистрибутивные, связанные с различной продуктивностью общенародных формантов в данных конкретных говорах. Словообразовательная основа при этом не меняется.

Появление лексических вариантов обусловливается рядом причин: а) дифузность понятия ведет к дифузности звучания; б) процесс номинации идет как по основным, так и по неосновным признакам; в) лексическая система говора подвергается иноязычному или инодиалектному воздействию; г) наряду с сохранением архаического обозначения растения в говор проникает неологизм.

Устная форма бытования диалекта и утрата явой мотивированности термина также являются причинами возникновения множества морфологических и фонетических вариантов фитолексемы. Так, немотивированность формы рода, характерная для неодушевленных существительных, проявляется в лексико-грамматическом вариировании слова: барбарос, барбароса - 'герань'; слез, слеза - 'мальва' и др.

Совпадение какого-либо ярко выраженного качества, свойства (и соответственно мотивированного признака) у разных растений приводит к образованию омонимичных названий: капи-коса - 'мак' (Елховско), 'крокус' (Стара Загора) и 'одуванчик' (Пловдивско).

Метафора, используемая в номинативных целях, способствует развитию полисемии и омонимии: цеперуда - 'мак' и 'бабочка'; калинка - 'мак' и 'божья коровка'.

В докладе подробно рассматривается фонетическая вариативность болгарской диалектной фитолексики (метатеза, протеза, эпентеза, элизия, лабиализация, ассимиляция и диссимиляция, акцентные разновидности).

Раздел III. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. КУЛЬТУРНЫЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.Н. Пономарева (Москва)

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА

1. Влияние на литературу окружающего мира бесспорно. Трудно найти писателя, творчество которого неосредственно или опосредованно, иногда не уловимыми простым взглядом сторонами, не соприкасается с современной ему действительностью. Это может быть погружение в нее, солидарность с основными ее тенденциями и, напротив, неприятие, отталкивание. Любая литература, в том числе и болгарская в разные периоды дает массу примеров такого взаимодействия.

Зависимость болгарской литературы от идей нового времени в первые послевоенные годы была особенно заметна. Это касается не только тех писателей, которые и ранее были прямо связаны с революционным и антифашистским движением в стране, но и писателей общенациональной направленности. Отклик в литературе на произошедшие события был не только массовым, но и искренним. Отрицательные творческие результаты (которых, разумеется, было много в первых подступах к новой проблематике) не являлись следствием социальной конъюнктуры, как это нередко наблюдалось в иные периоды общественного и литературного развития.

2. Ограничение свободы творчества в конце 40–50 гг. (цензура, жесткий административный диктат, наязывание писателям обязательных канонов социалистического реализма, регламентация художественных средств, идей, проблем и тем), самим отрицательным образом сказалось на общем художественном уровне болгарской литературы. Попытки приспособиться, подчиниться этим требованиям приводили нередко

к серьезным неудачам и длительному творческому кризису (стихотворения этих лет Н.Фурнаджиева, В. Петрова, Б.Димитровой и др.). Однако в эти же годы на довольно унылом литературном фоне, в крайне неблагоприятной общественной атмосфере появляется ряд яких талантливых произведений – эпические масштабные романы Д. Димова, Д. Талева, Г. Караславова. В других родах и жанрах литературы не было столь значительных выступлений, но и в их недрах вызревали новые прогрессивные тенденции. Этот факт можно объяснить неабсолютной зависимостью литературы от общественно-политических процессов в обществе и существованием, действием внутренних специфических законов развития самой литературы, ее жанров. Движение болгарского романа в направлении к широкомасштабным формам отмечалось на протяжении многих лет и достигло своих вершин в начале 50-х гг.

3. Относительная самостоятельность литературы по отношению к общественно-политическим факторам действительности дает возможность и обратного воздействия. Неоcомнена большая роль литературы в появлении, развитии и осуществлении многих гуманистических идей в обществе, в обнаружении явлений, мешающих прогрессу. Так болгарские писатели первыми забили тревогу по поводу угрозы падения нравственного уровня общества, экологической катастрофы (деревенская проза Г. Мишева, В. Пепова, И. Петрова, проза И. Радичкова, П. Вежинова, проза и драматургия С. Стратиева и др.). Значительны заслуги болгарской литературы и в переоценке недавнего прошлого народа, отказе от стереотипов, ложных мифов и прямого искажения жизненной правды (мемуарные произведения о партизанской борьбе Д. Овадия, роман о судьбе интеллигенции в первые послевоенные годы Б. Димитровой "Лице", роман о судьбе болгарского крестьянства "Облава на волков" И. Петрова).

ГАРМОНИЯ ИЛИ ДИССОНАНС ИСКУССТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ БОЛГАРИИ XX СТ.? (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ, ЖИВОПИСИ, КИНО)

1. Усилившийся процесс синтезирования слова и изображения, слова и музыки, вызванные динамикой духовной жизни общества славянских стран в конце XX в., является одной из определяющих тенденций в развитии болгарского искусства.

2. Эти тенденции дают о себе знать сегодня: тяга к синтезу, во-первых, и в то же время - к сохранению суверенности каждого вида искусства - литературы, живописи, музыки, кино, во-вторых. Их диалектическая взаимосвязанность ведет на к поглощению одних искусств другими, а к взаимообогащению "равноправных, неподалестных голосов", создающих, по меткому выражению Б. Димитровой, "гармонию Баха".

3. Активизация личности в обществе усиливает интеллектуально-философский заряд литературы, живописи, киноискусства, возбуждает интерес к постановке морально-этических проблем творчества, изображению духовного мира мастера слова-писателя, художника, кинорежиссера, композитора, которые наиболее остро и глубоко ощущают "болевые точки" общества, что вызывает и жанрово-стилевое разнообразие художественной палитры в целом. Это и социально-психологические романы (Д. Фучеджиев "Зеленая трава в пустыне", Д. Асенов "Самый тихий грех", Б. Райнов "Только для мужчин", Б. Димитрова "Ламина", Г. Атанасов "Грехи до конца", Х. Колчев "Попытка уцелеть", "Бешеные воды", "Внутренний свет"), исторические романы (В. Мутафчиева "Дело султана Ихема"), микrorоманы-притчи, романы-сказки, романы-басниады (Б. Райнов "Черные лебеди", И. Даевидов "Лоджа Харона", А. Гуляшки "Метель"; "Якорь и дьявол", В. Насков "Баллада о Георге Хениге"), философско-

этнические романы (Э. Станев "Тихик и Назарий", П. Важинов "Весы", "Барьер", "Белый ящер"), это и экранизация литературных произведений ("Ты, который на небе" Д. Боджакова по художественному произведению В. Паскова "Баллада Георга Хенига", "Отец яйца" А. Кулева по одноименному роману Б. Христова, "Карнавал" И. Грабчевой по роману Л. Дибова "Парадокс зеркала", "Барьер" Х. Христова по одноименной притче П. Важинова, "Черные лебеди" И. Ничева по одноименному роману Б. Райнова, "Экзитус" К. Крумова по одноименной новелле З. Златанова, "Боянский мастер" З. Жендова и Е. Константинова по одноименному роману С. Загорчина и др.), это и живописные пейзажи-портреты, пейзажи "души", поливалентные коллажи Д. Узунова, С. Русева, Д. Кирова, К. Исинова, Г. Трифонова и др., это и романы-биографии, романы-эссе (Б. Райнов "Тroe одиночek", Н. Стефанова "Злато Бояджиев" и документальный фильм о нем Е. Панайотовой, Т. Жечев "История и теория Пигмалиона" и др.).

4. В художественном мире Болгарии конца XX ст. происходит процесс формирования новых жанрово-стилевых потоков искусства, взаимообогащающихся, мчащихся по старому руслу, но обновляя его. Не случайно лиризованную прозу И. Даудкова рассматриваем в русле импрессионизма, картины-легенды К. Исинова, исполненные романтического сияния, открывающие метафорические фольклорные пласти, относят то к "примитивистам", то к "иконописцам", то к "магическим реалистам", а жанрово-стилевую модель кинофильма "Отец яйца" А. Кулева по одноименному роману-притче Е. Христова не могут определить, т.к. в нем "жанры и виды кино движутся параллельно, взаимопереплетаясь создают глобальную картину состязания Добра и Зла на Планете, не следуют буквально канонам "ни сказки, ни фантастики, ни мюзикла, ни философской притчи".

Усиливается связь искусства с фольклорными традициями. Размышление о национальном характере и исторической судьбе затрагивает как литературу, живопись, так и наиболее синтетический жанр искусства - кино ("Иконостас" Х. Хрис-

това по роману "Железный светильник" Д. Талева, "Козий рог" Г. Дюлгерова по новелле Н. Хайтова "Мера за меру" и др.).

6. Раздвигая рамки реалистических традиций художественной культуры, искусство Болгарии становится эмоциональнее и вместе с тем приобретает интеллектуально-философское звучание, обращаясь к "вечным" темам и образам, которые наполняются современным содержанием. Органичное сочетание национальных и общечеловеческих традиций мировой культуры - ценностный ориентир духовной жизни личности, общества, народа.

М.Г. Чемоданова (Москва)

К ВОПРОСУ О ПОЛИЛЯНГИЗМЕ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Одна из интереснейших особенностей литературы болгарского Возрождения – многоязычие ряда писателей. Это явление исторически объяснимо: болгарская молодежь в XIX веке обучалась в России и Греции, в Англии и Франции, в Австро-Венгрии и Сербии, поэтому некоторые писатели создавали свои произведения на двух-трех и более языках. Так, Петр Берон писал и издавал свои труды на болгарском, французском, немецком, греческом и латинском языках. Дмитрий Великский творил на болгарском, французском и румынском языках. Его произведение "Les plaies de la Bulgarie" ("Раны Болгарии") и "Le chant de cygne d'un exilé bulgare" ("Лебединая песня болгарского изгнанника") написаны на французском языке. На румынском языке им созданы стихи патриотической и любовной тематики. Григор Цырличев писал на болгарском и греческом языках. Этот талантливый автор создал на греческом языке поэтические шедевры. Некоторые болгары, обучавшиеся в России, создали художественные произведения на русском языке (В. Попович, В. Дру-

мев, Л. Каравелов).

Поскольку в Османской империи власти часто запрещали вести культурно-просветительную работу, издавать литературные произведения, за пределами Болгарии возник ряд центров культурного развития, где болгарские эмигранты вели активную борьбу за освобождение родины, ее культурное развитие. С культурой страны, давшей приют болгарскому эмигрантскому центру, литературные связи были особенно интенсивными. Создается ряд эмигрантских линий в болгарской литературе. Литература эмигрантов была часто более выразительной, чем затягивавшая в тиски цензуры, во многом закрытое для передовых веяний литературное творчество внутри страны. Именно она-то нередко являлась авангардом болгарского литературного процесса, определяя направление его развития.

Своеобразие болгарского литературного развития (в частности полилингвизм ряда писателей), привело к тому, что творчество некоторых болгарских писателей той поры оказало воздействие на литературный процесс других стран. Так, поэзия Д. Великисина вошла в историю не только болгарской, но и румынской литературы. Григор Пырличев не только болгарский, но и балканский писатель. Его творчество – олицетворение культурного единства балканских народов. Будучи болгарином, он писал об албанском национальном герое Скандербеке на греческом языке. Любен Каравелов прежде всего болгарский писатель, но в то же время это и общеславянский писатель. Его творчество оказалось воздействие на ход литературного процесса не только Болгарии, но также Сербии и России. Таким образом, можно с уверенностью говорить о межлитературной принадлежности ряда болгарских писателей эпохи национального Возрождения.

Многоязычие болгарских писателей наложило яркий, своеобразный отпечаток на литературный процесс эпохи Возрождения и на развитие болгарской культуры в целом.

В.В. Николаенко (Москва)

ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБРАЗЕ БОЛГАРИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

В эпоху национального Возрождения болгарская культура представляла себе свободную Болгарию как землю обетованную. Всё это казалось привнесенным извне, и его носители не мыслились как часть Болгарии, а лишь как враги-пришельцы. Патриотизм болгарского Возрождения питался надеждой на грядущее Освобождение-очищение, идеал отодвигался в будущее.

После Освобождения, когда прошло възванное им опьянение, т.е. к началу 1890-х гг., обнаружилось, что Царствие Божие на земле, вопреки ожиданиям, не наступило. Облик современной Болгарии предстает едва ли не более мрачным, чем прежде, ибо стало ясно, что Бай Ганю, Городомов и Каменов рождены именно болгарской почвой. Появилась культурная и психологическая потребность обосновать патриотические чувства, противопоставить уродству современной жизни другой, более привлекательный (и в каком-то смысле более подлинный) образ Болгарии.

Этот идеальный образ складывается из трех пластов; прежде всего следует назвать обращение к былому величию Болгарии, до того момента, когда ее естественное развитие было прервано нашествием турок.

Второй пласт - картины героической борьбы за Освобождение ("хайдушки" тонос). Время, только что все принимавшееся как аналог египетского плена, теперь предстает эпохой титанов. Левски, Ботев, Раковский изображаются как святые, а история Освобождения становится священной историей.

И, наконец, третий лик идеальной Болгарии - своего рода мир, условно называемый нами "болгарской Аркадией" (БА). "Болгарская Аркадия" - это Болгария как таковая, вне расщепленного влияния Запада, избавленная волей художника от

ужасов турецкого ига и от неприглядных картин современности. Ее мир, идущий от лирических и мифологических народных песен, от некоторых мотивов в литературе Возрождения, может быть сопоставлен с понятиями типа "Святая Руаль" или "добрая отара Англия". Для БА характерна невозможность локализовать ее во времени, она принципиально неисторична. Это действительность, которую провидит вдохновенный художник; это болгарское село, раздвиннутое до космических масштабов.

Специфична для БА организация пространства по координатам "верх/низ" и "центр/периферия", где "верх" и "периферия" характеризуются как "чужое", "опасное".

От мира традиционных идиллий БА отличается тем, что в ней зачастую проходят события совсем не идиллические. В 1890-х гг. болгарская культура открыла, что жизнь трагична по сути, и что и человек, и природа причастны злу по своему существу. Поэтому любовь — главная движущая сила всех событий в БА — часто оборачивается смертью. Известна в БА и неизбывность человеческого одиночества ("Орисники" П. Тодорова).

Эти три лика некоей идеальной Болгарии во многом определили как дальнейшее развитие болгарской культуры (вплоть до настоящего времени), так и официальную пропаганду и испытавшее ее влияние массовое сознание.

Л.И. Тарасова (Санкт-Петербург)

ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ЕГО ОБЫТАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКА "ГОРОД-СЕЛО", "ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА" В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЫ 1970-1980-Х ГОДОВ

Многообразные, касающиеся болгарского города и села, динамичные и противоречивые процессы оказывались в центре внимания болгарской прозы 70-80-х годов XX в. Они отображены в произведениях Й. Радичкова, Н. Хайтова, И. Петрова, Д. Валева, Г. Стоева, Г. Мишева, В. Попова, Р. Ми-

хайлова, А. Гуляшки, Д. Фучеджиева и др. Очень часто созданные в них характеры заключают в себе противоречие между исконно болгарским, традиционным и тем новым, что вносит в действительность научно-технический прогресс.

Природа, сельский труд, прошлое нации. Именно "деревенская проза" (как русская, так и болгарская) имеет свои богатейшие традиции. Мир болгарской деревни оставил прочный след в национальной психологии болгарина и отсюда - в болгарской литературе. Наряду с получившей должное художественное воплощение (в произведениях Г. Караблавва, например) темой социальной обреченности и гибели старого собственнического крестьянского мира возникала и требовала освещения философская проблема, ставшая одной из основных в мире болгарского романа и выдвигавшая вопрос: как передать будущему незапятнанными и неискаженными нравственные ценности прошлого, имеющие непреходящее, общечеловеческое значение и исконно присущие крестьянину-труженику? Ведь показать редкие моральные качества "людей от земли" стремились еще такие мастера национальной реалистической прозы, как Иван Вазов, Йордан Йовков или Елин Пелин.

В двойственности современного отношения к прошлому села видится естественное проявление диалектического противоречия: столкновение идеи цельности и вечности национального характера с идеей прогресса, когда, наряду с отрицанием старой морали и изживших себя традиций, отстаиваются те прежние духовные ценности, которые могут служить основой для создания новых форм нравственности. В литературе, в связи с этим, наблюдается в те годы обращение к теме "вечной" природы и "вечным" началам национального характера. Такой подтекст имели, например, "Дикие рассказы" Н.Хайтова, утверждающие "извечное" в противовес скоротечному, преходящему. Тот же мотив - любовь к естественному и природному - звучит в его книге "Пернатое корыто" (1979), состоящей из рассказов, эссе, импресий.

Усиленное использование современной - и, в частности, деревенской - прозой иронии, гротеска, условно-фантастических и метафорических форм, а также определенная пере-

стройка художественного конфликта произведений явились реакцией художественного сознания на движение самой жизни, ее повышенную осложнность, ее ускоряющийся темп. Это характерно и для произведений, казалось бы обращенных в прошлое (например, повесть И. Петрова "Перед тем как я родился и после того", 1971).

Говоря о деревенской теме в болгарской прозе 80-х, можно назвать ряд произведений, в которых над авторами уже не тяготеет привязанность к "естественному", природному человеку. Обладая каким-то иным жизненным опытом, они по-своему проникают в проблемы сельской действительности. По характеру основного конфликта и типу героя подобную прозу, например, "Сезоны и люди" (1981) К. Апостолова или "Круг зим" (1983) К. Тороманского, можно отнести к "производственной". Авторов привлекает новый сельский социальный тип – активный, деловой и профессионально образованный герой эпохи НТР.

И.П. Садовская (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕЛА СЛАВЯНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ НА БОЛГАРСКОМ ЭКРАНЕ

Пришло время, когда славянские народы достаточно активно включают историческое наследство в современную жизнь. Обогащение историческими познаниями усиливается литературой и искусством, которые придают осмысливанию прошлого духовно-нравственные измерения. Важна роль кино и телевидения, их эстетическое воздействие на огромную аудиторию. Опираясь на демократические традиции болгарской культуры, сохраняя дух просветительства, который помог болгарам в древности распространить славянскую письменность, кинематографисты пытаются шаг за шагом раскрыть на экране удивительный феномен, каким является история болгарского государства.

Цикл фильмов, посвященных 1300-летию болгарского госу-

дарства ("Хак Аспарух", "Боянский мастер", "Константин-Философ", "Борис I", "День властелинов" и др.) в большой мере выполнили свою просветительскую функцию, удовлетворяя стремление народа к самопознанию, несмотря на критическое переосмысление этих произведений критиками сегодня.

Себое место среди фильмов этого цикла занимают картины о героическом подвиге славянских просветителей. Болгарское книжеское искусство долго шло к тому дню, когда оно обратилось к одной из наиболее важных страниц ее истории – великому делу создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. О них болгарское кино говорило в своих документальных фильмах, посвященных Дню славянской письменности и в болгарской культуре (нет другого народа, который бы создал праздник культуры и славил бы по всей стране создателей славянской письменности), научно-популярных картинах о памятниках письменности и, законец, в документальном фильме "Дело Кирилла и Мефодия" (реж. А. Кираков).

Создание фильма "Константин-Философ", а затем многосерийной телевизионной версии (реж. Г. Стоянов), помогло осветить на экране период, когда закладывались основы и будущее славянской культуры. Авторы говорили о титанической воле и великом презрении первоучителей. Они пытались показать, что славянская письменность лишь часть дела ренессансного мыслителя Константина-Кирилла, и потому они исследуют пути дипломата, философа и просветителя. Авторов картины интересовала жизнь философа до Великоморавской миссии, процесс формирования его как личности и дело, которое заключалось не только в создании славянской азбуки, но и в переводах древней литературы, что явилось первым шагом на пути становления новой духовной славянской культуры.

Болгарские кинематографисты, пытаясь раскрыть значение дела Кирилла и Мефодия, закономерно пришли к созданию фильма о Борисе I, его исторической миссии. Дилогия "Борис I" ("Принятие христианства" и "Слово о буквах") покачала на экране события, имевшие судьбоносное значение для

Болгарии – принятие христианства, слияние многочисленных племен в единую народность и введение славянской письменности, которая возложила на Болгарию историческую миссию стать колыбелью новой славянской культуры. Преславская и Охридская школы, возглавленные учениками Мефодия Наумом и Климентом, помогают Борису в решении его стратегической цели – окончательному слиянию протоболгар и славян в единую народность с общей религией, языком, письменностью и культурой.

Эти фильмы, в основу которых были положены исторические документы, снимались во многих странах. Они предложили новые интересные концепции при освещении дела Кирилла и Мефодия.

Несмотря на черты некоторой парадности, продиктованные характером юбилейного цикла, авторы киноверсий представляют свои размышления о создателях славянской письменности, основателях "державы духа", раскрывают драматические пласти болгарской культуры, которые имеют непрекращающее значение и для современности.

Н.В. Мухина (Киев)

ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ТЕАТРОВ УКРАИНЫ И ГОЛДМИНИ В 70-е – ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 80-х ГГ. XX ст.

В период становления Украины на международной арене как независимого, суверенного, демократического государства, изучение культурных связей Украины и Болгарии в предыдущие десятилетия является важным, так как дает богатый материал о духовной жизни народов двух стран.

В особом смысле ставится задача показать основные формы сотрудничества украинских и болгарских театральных драматических и музыкальных коллективов в 70-е – первую половину 80-х гг. Хронологические рамки определяются с начала периода разрывки международной напряженности в мировой политике и активизации культурного взаимодействия между ев-

ропейскими государствами и республиками бывшего Советского Союза – до начала процессов обновления и демократизации на Украине и в Болгарии.

Для решения поставленной задачи использованы архивные документы, украинская и болгарская научная литература и периодика.

В период, охватываемый рамками исследования, развитие профессиональных контактов театральных коллективов Украины и Болгарии подкреплялось договорами о творческом сотрудничестве. В 1969 г. был заключен один из первых договоров о творческом сотрудничестве между Киевским русским драматическим театром им. Леси Украинки и Варненским театром им. Стояна Бычварова. В рамках договора проходил многократный обмен гастролями коллективов театров, осуществлялись гастроли постановочных групп и отдельных артистов, совместные решения проблем репертуаров, обсуждение спектаклей, обмен печатной информацией по вопросам театральной жизни Украины и Болгарии. Спустя шесть лет этот договор был обновлен и дал толчок в развитии непосредственных контактов этих театров на последующие годы. Важным новшеством было решение обеих сторон проводить во время гастролей конференции на тему "Театр и современность", которые оказывали глубокое влияние на развитие театроведения Украины и Болгарии, способствовали более полному изучению процессов развития современного театра.

Один из ведущих театральных коллективов Украины – Киевский академический украинский драматический театр им. Ивана Франко в 1977 г. заключил долгосрочный договор о творческом сотрудничестве с Софийским драматическим театром "Слеза и смех". Сезон 1977–1978 гг. в Украинском драматическом театре им. Ивана Франко был отмечен постановкой труппой из Болгарии пьесы "У подножья Витоши" П. Яворова. Режиссеры, актеры, критики театра "Слеза и смех" способствовали популяризации на Украине болгарской драматургии, в этом процессе активно участвовал и Политеатральный молодежный экспериментальный театр из г. Благоевграда.

В исследуемый период в творческом взаимодействии театральных коллективов возникла и сформировалась устойчивая тенденция: сотрудничали не только крупные столичные театры, но и областные и окружные театральные коллективы. Плодо-творно сотрудничали драматический театр "Т. Костов" г. Сливен и областной музыкально-драматический театр им. Т.Г. Шевченко г. Тернополя, Луганский областной музыкально-драматический театр и Переяславский драматический театр, Полтавский театр им. Н.В. Гоголя и Велико-Тырновский театр им. С. Каюмова и многие другие. К примеру, главный режиссер Львовского украинского драматического театра им. М. Заньковецкой народный артист Украины С. Данченко подготовил постановку пьесы А. Салынского "Мария" в драматическом театре г. Вранча.

Взаимообогащению украинской и болгарской культур способствовали окрепшие во второй половине 70-х годов побратимские связи городов и областей Украины и Болгарии. Развитие контактов и связей по линии породненных городов позитивно влияло на сотрудничество театральных драматических и музыкальных коллективов.

По данным Министерства культуры Украины в 1976–1985 гг., побратимские связи развивались между 23 областями и семью городами Украины и 58 областями, округами, гоеводствами и уездами восточноевропейских стран. В означененный период появилась некоторая инициативность и самостоятельность в деятельности Управлений культуры городов-побратимов, занимающихся практическим воплощением культурных связей. Объяснить это можно стремлением, или скорее попытками на местах, создать новые более гибкие структуры в системе культурного взаимодействия между Украиной и Болгарией.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
БОЛГАРИИ И РОССИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История средневековой Руси и Болгарии знает периоды, когда в результате военных поражений обе эти страны оказывались под властью иноземных захватчиков, претерпевали страшное разорение. Такими событиями были нашествие Батыя на Русь и 250-летнее Ордынское иго, а также османское завоевание Болгарии и 500-летнее турецкое иго.

Эти национальные катастрофы оказались во всех сферах жизни, оказал огромное влияние на духовную культуру и общественное сознание обеих стран. Особый интерес представляет восприятие подобных поражений политической мыслью средневековья и его влияние на национальное самосознание славянских народов.

Русское общественное сознание выработало достаточно устойчивую формулу, объясняющую причины побед врагов: "земли же согревившия которая любо, казнить Богъ смертью, ли гладом, ли наведеньем поганых, ли ведром, ли гусеницею, ли иньми казными". Это объяснение впервые в русской книжности встречается в середине XI в. и далее служит для оправдания военных неудачплоть до XIII в. Особенно часто эта формула встречается в произведениях, повествующих о событиях монголо-татарского нашествия. Она известна в летописных сказаниях, проповедях Серапиона Владимировского, житиях Михаила Черниговского и Михаила Тверского.

Из этой формулы следовала доктрина, согласно которой наказание было ограничено определенным сроком, "аще ли покаемся", а значит борьба с внешним врагом возможна только при отказе от укоренившихся в общественном бытии грехов и прежде всего от междуусобной борьбы. Это нашло свое отражение в житиях князей-мучеников, где роль главного злодея играет не татарин, а служащий ему русский. Такой

взгляд на истоки национальной катастрофы и возможность возрождения сохранялся и в ХV-ХVI вв. В условиях постепенного включения бывших порабощенных в состав Русского государства и формирования единодержавия эволюционирует образ предводителя захватчиков. Он предстает грозным и справедливым царем, а вся ответственность переносится на "неомыленных слуг". Трактовка вражеского завоевания как кары Божьей в сочетании с представлениями о большей праведности порабощенных христиан, нежели агарян-порабощителей и о скором небесном заступничестве не оставляет в русском общественном сознании места для 250-летнего монголо-татарского ига, и писатели ХV-ХVI вв. не признают этого исторического факта: Пахомий Логофет на основании легенд о венгерских королях и Батые создает "Слово об убиении Батыя", а суздальский инок Григорий в Житии Евфросинии Суздальской утверждает, что свержение власти золотоордынских ханов произошло еще при жизни поколения, испытавшего первый удар захватчиков.

Иначе рассматривает крушение своего государства общественная мысль Болгарии ХV-ХVI вв. В отличие от России, постоянно боровшейся на своих южных и восточных рубежах с носителями иной культурно-исторической традиции, Болгария противостояла православной Византии. Это не позволило выработать ранее формулу осмыслиения потери государственной независимости. Кроме того, разрушение старой системы литературных жанров, существовавшей в досманский период, постепенное сложение общей для всех Балканских стран в границах Румелойского бейлербейства литературы мешали использованию выработанных прежде понятий. Поэтому болгарским книжникам в условиях турецкого владычества пришлось заново создавать формулы для осмыслиения национального поражения. В житиях "новых мучеников" ХVI в. отчетливо наблюдается идея надвигающегося конца света. Как убедительно показал И.И. Калиганов, времена, в которые написано произведение, называли "последними" в апокалиптическом значении. Таким образом, в болгарской общественной мысли вырабатывается совершенно новая доктрина, рас-

считанная на более пассивное противостояние захватчикам.

Это находит свое отражение и в образе сочувствующей толпы христиан, присутствующей при казни мученика. В отличие от болгарской литературы, русская книжность не признала этого образа, оставляя святого один на один с мучителями. Такая особенность очень наглядно просматривается при сопоставлении болгарского жития Георгия Нового и его русского перевода, написанного по заказу митрополита Макария. Софийский поп Пейо рисует реальную картину омщания в рядах христиан, а псковский пресвитор Илья, подробно описывая угнетение болгар турками, дает каноничный образ святого, непозволявший усомниться в твердости духа христианской общины.

Причины такого различия в оценке иноземного ига заключаются, как кажется, в особенностях исторического развития обеих стран. В отличие от Болгарии, Россия оказалась отделенной от основных районов обитания татар и не знала насильственной ассимиляции.

О.А. Дубовик (Москва)

БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ХУП-ХУШ ВВ.

ХУП-ХУШ вв., сложный и переходный период в развитии болгарской духовной жизни, может рассматриваться как начальный этап формирования научных исторических знаний. Формирование нового сознания началось с осмыслиения славянской общности, что отразилось на разного рода концепциях славянского единства, преобладании в литературе ХУП – первой половине ХУШ вв. общебалканских и общехристианских сюжетов. Во второй половине ХУШ в. главной задачей авторов стало осмысление собственной истории, поиски ее места в громирной истории; сильнее звучат и идеи о необходимости культурыно-национального обособления болгарского народа. Особо следует остановиться на вопросе о роли и месте Пансиона Учлендарского и его "Истории славяноболгарской" (1762).

На наш взгляд, Паисий является продолжателем литературной и исторической традиции ХУП – первой половины ХУШ вв. В его "Истории" проявляются замеченные ранее и развитые его последователями социальные, политические и культурные мотивы. Попытки оторвать Паисия от традиций и норм ранней болгарской возрожденческой литературы не обоснованы и являются результатом сложившейся в историографии традиции.

В болгарской исторической литературе ХУП–ХУШ вв. были сделаны первые шаги по утверждению нового исторического метода. История являлась основным аргументом при доказательстве права болгарского народа на собственную территорию, государственность, самостоятельное экономическое и духовное развитие. Цель обусловила и отношение авторов к историческим источникам. Определяющим фактором становились национально-патриотические соображения. Необходимо было объединить разнородный в фактологическом и идеином отношении материал, пропустив его через призму собственного мирапонимания. Принципиальные изменения в отношении к источнику связаны с отказом от механистического понимания компиляции и использования ее как основы для обобщения исторического материала в рамках концепции автора; с отказом от свойственной хронистам односторонности в подборе источников в пользу сопоставления различных письменных свидетельств.

Важным элементом исторической методики стала новая проблематика сочинений. Новое историческое сознание связано в первую очередь с пониманием особенностей болгарской народности. Наиболее благоприятную почву находят идеи о национальности, "болгарском роде и языке". Авторов привлекали в большей степени вопросы государственно-политической и военной истории, династические проблемы, международные отношения, важнейшими из которых были греко-болгарские. В то же время в болгарской исторической мысли отмечается резкое уменьшение богословско-теоретических сюжетов, в то время как история религии и церкви в ее политической ипостаси по-прежнему привлекала внимание авторов. Важно отметить, что католическая и православная кон-

фессии в исторической литературе XVII-XVIII вв. не сталкивались, что обусловлено общей политической и духовной атмосферой.

В целом для болгарской исторической мысли рассматриваемого периода были характерны ее политизация, актуализация и болгарская региональная ориентация.

Для взглядов выразителей болгарского исторического сознания переходного от средневековья к новому времени периода характерен своеобразный символизм элементов Гуманизма, Барокко, Просвещения и Романтизма со специфическими болгарскими условиями.

[Б.Н. Бильинов (Москва)]

ЗАПАДНИКИ И БОЛГАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Взаимоотношения общественности России и Болгарии охватывали в период развертывания национально-освободительной борьбы в Болгарии и подъема общественного движения в России самые различные течения и направления. Возникшее в России на рубеже 1830-1840-х годов западничество стало одним из направлений раннего русского либерализма. Другое его направление – славянофильство по традиции считается чуть ли не самым отыччивым течением среди русской общественности, откликнувшимся на нужды болгарского национального движения. В отношении западников эта проблема практически не ставилась в исследованиях.

Оформлявшееся после идеиных споров вокруг "Философских писем" П.Я. Чаадаева западничество постепенно охватывало достаточно широкие слои русской общественности: литераторов, ученых, представителей официальной России. В воззрениях западников проблемы внешней политики России, переустройства страны с учетом опыта буржуазной демократии занимали естественно значительное место. Бнимание к судьбам зарубежных славян и идеологии западников занимало не меньшее место, чем у разных славянофилов. Этому способствовала

и активная позиция по вопросам современной жизни Болгарии В.Г. Белинского, относившего себя и считавшегося представителем западничества.

Петербургский журнал "Иллюстрация" в 1845 г. специально выступал с предостережением к деятелям болгарского просвещения, опасаясь активности славянофильства. В отклике на работы болгарского просветителя В. Априлова журнал со-лидаризировался с программами просвещения, выдвигавшимися в то время в Болгарии. Журналы "Стечественные записки" и "Современник" в противовес славянофильскому "Маку" и трудам слависта Н.В. Савельева-Ростиславича уделяли преимущественное внимание современным проблемам Болгарии. Журнал "Финиковый вестник" скрупулезно отмечал наиважнейшие достижения научной болгаристики.

Широкий общественный резонанс как в русском, так и в болгарском обществе имело произведение И.С. Тургенева "Накануне", в котором по сути была высказана поддержка национально-революционным устремлениям болгарского народа. Именее в то время большое значение движение болгар за создание независимой национальной церковной организации было активно поддержано в 1858 г. "Русским вестником" М.Н. Каткова и И.В. Леонтьева. Этот же и другие актуальные аспекты современного положения болгар были непримиримо поддержаны болгарским публицистом С.Н. Налаузовым из страниц западнической прессы. В этом оттенении славянофильство 1850-1860-х годов заметно отставало от актуальных задач русско-болгарских общественных взаимоотношений.

Постепенное схождение западничества как самостоятельного течения русской общественной мысли в 1860-е годы не сопровождалось снижением интереса к проблемам болгарского национального движения. Бывшие западники и концептуально связанные с им органы печати продолжали в это время широкое освещение всех форм освободительной борьбы болгар. Достаточно сказать, что газета "Московские ведомости", петербургский журнал "Литературная библиотека" не только объективно освещали революционное движение в Болгарии, но и выступали с его поддержкой и пропагандой.

Обучавшаяся в России болгарская молодежь имела контакты с русскими западниками, их научные и общественные выступления были известны в болгарской прессе. Воздействие русского западничества на болгарское общество стало одним из факторов двусторонних общественных связей. Влияние болгарского национального движения на русских западников способствовало актуализации их внешнеполитических позиций.

О.В. Лощакова (Москва)

ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ В ТРУДАХ М.С. ДРИНОВА
И Е.Е. ГОЛУБИНСКОГО (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В русском славяноведении почти одновременно вышли в свет две книги, посвященные истории болгарской церкви. В 1871 г. появилась "Краткая история православных церквей болгарской, сербской и румынской" Е.Е. Голубинского. В 1868-1869 гг. болгарским ученым, большую часть жизни прожившим в России, М.С. Дриновым было написано "Историческое обозрение болгарской церкви с самого ее начала и до сегодняшнего дня". Сравнение этих работ позволяет выделить разницу во взглядах ученых на исторический процесс, на развитие средневековой болгарской церкви.

Круг вопросов, рассматриваемых авторами и касающихся истории церкви до 1018 г., практически одинаков: распространение христианства до крещения и крещение Бориса, отношение с римскими и константинопольскими первосвященниками, учреждение болгарской иерархии, структура и положение болгарской церкви, древняя болгарская письменность, богословие. Не отличается особым разнообразием и структура работ. Но вот отношение к исследуемому предмету разное.

М.С. Дринов с самого начала проводит мысль о том, что семена христианства были посеяны на болгарской земле в первые века существования христианства. Согласно его точке зрения, число крещенных славян здесь к началу IX в. бы-

ло великo. А главным препятствием распространения христианского учения он считал отсутствие национального письма. Такого преувеличения мы не находим у Е. Е. Голубинского.

Показательно, что Е.Е. Голубинский большую часть своего труда основывает на сухих, точных сведениях источников, особо останавливаюсь на выяснении границ епархий. Дринов же избирает основным сюжетом болгарскую церковь в греко-римском мире. На фоне греко-римской распри, недостойного поведения патриархов, проглашающих друг друга, видна четкая линия политики Бориса. И в то время как первые предаются раздорам, Болгария твердым шагом идет к независимости. Главная вина, которую Дринов возлагает как на римскую, так и на византийскую церковь - отрицание славянского слова, передающего божественную истину, отрицание славяно-болгарской культуры. Работа болгарского ученого наводит на мысль, что между строчек в ней витает дух богоизбранности болгарского народа и его представительницы - болгарской церкви. Ничего подобного мы не находим у Е.Е. Голубинского.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: во-первых, "Преглед" был одной из ранних работ М.С. Дринова, что затрудняет выявление четкой исторической концепции ученого; во-вторых, данная работа написана в русле буржуазно-либерального направления в русской историографии, что сближает ее с трудом Е.Е. Голубинского; в-третьих, данной работе присущ определенный исторический романтизм, который объясняет многие ее страницы. Принадлежность автора к болгарской нации, страстное желание помочь в освобождении своей страны, пробудив любовь к родной культуре, придавало его работе субъективный оттенок. Наличие авторской оценки отличает М.С. Дринова.

В заключение отметим, что несмотря на необходимость и важность появления книги М.С. Дринова "Исторически преглед на българската църква от самото и начало и до днес", она испытывала на себе слабые стороны исторического романтизма.

И.Ф. Грек (Кишинев)

БОЛГАРСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР

По данной теме нет специальных исследований, лишь отдельные ее аспекты нашли отражение в работах историков.

С начала XIX в. и до 1878 г. более ста болгарских деятелей культуры прямо или косвенно оказали существенное воздействие на духовную жизнь болгар Бессарабии. По уровню, масштабу, степени влияния весь этот период можно разделить на два этапа.

Первый длится до 1856 г. В это время влияние болгарской интеллигенции на духовную жизнь местных болгар имело главным образом опосредованный характер. Воздействие, например, С. Брачанского на переселенцев выражалось в учете русскими властями его предложений о поселении выходцев из-за Дуная на отдельной территории и организации особого управления из болгар, что создавало возможность в перспективе открывать болгарские училища, строить церкви в их поселениях. Влияние же П. Хилендарского осуществлялось посредством распространения рукописи его "Истории славяноболгарской". Болгарам Бессарабии также были известны сочинения историков С. Палаузова, А. Кипилюнского, календари Хр. Костопича, газета А. Экзарха "Цариградски вестник" и другие издания. По Евангелию Т. Бистрички произносились проповеди в церквях болгарских колоний.

Прямые контакты болгарской интеллигенции с бессарабскими болгарами возникли в 40-е гг. XIX в. и имели характер личного знакомства, иногда — с целью распространения болгарских изданий, пропаганды освободительных идей. Лишь в годы Крымской войны впервые появляются ее представители в центральной колонии Болград в качестве учителей.

Второй этап охватывает 1856-1878 гг., когда болгарские колонии Бессарабии оказались в составе двух государств (России и Румынии) и вынуждены были отстаивать свою наци-

вальную самобытность, национальный характер своего духовного развития. В этом им оказала неоценимую помощь болгарская возрожденческая интелигенция. Поддержав требования переселенцев об открытии в Болграде и Комрате центральных училищ с болгарским языком обучения, она фактически взяла в свои руки решение проблемы обучения и воспитания на родном языке болгарской молодежи в Бессарабии. Об этом свидетельствуют такие цифры: 6 из 7 директоров и более 20 преподавателей Болградской гимназии, 4 преподавателя Комратского центрального училища, 30 учителей приходских школ болгарских колоний являлись представителями болгарской интелигенции из-за Дуная, главным образом из северо-восточных земель. Их усилиями осуществлялся контроль за учебно-воспитательным процессом в школах, была создана и функционировала болградская типография, выпустившая 64 наименования книг, был организован в Болграде выпуск ряда периодических изданий ("Общ труд", "Български глас", "Алиуг", "Ехо на Болград" и др.), создана первая библиотека, открыт впервые театр, начато собирание фольклора, продолжалась пропаганда и распространение болгарских книг и периодических изданий среди болгар-колонистов (по данным М. Стоянова в 33 болгарских колониях).

Общий вывод сводится к тому, что болгарские просветители периода национального возрождения сыграли немаловажную роль в национально-духовном развитии бессарабских болгар. Во многом благодаря им болгарское население края создало свою национальную школу, открыло известную Болградскую гимназию, приобщилось к болгарским возрожденческим духовно-нравственным ценностям, ими формировалось первое поколение болгарской интелигенции в Бессарабии.

БОЛГАРСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX В. И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Формирование национальной культуры болгарского народа происходит особенно интенсивно со второй четверти XIX в. Исследования, посвященные истории становления светского образования, новой литературы, литературного языка и т.д., позволяют воссоздать целостную картину зарождения болгарской национальной культуры.

К середине XIX в. наибольший прогресс отмечается в развитии такого института национальной культуры, как народное училище. Становление болгарского просвещения происходило затрудненно, через различные промежуточные ступени. Трансформация просветительных традиций болгарского народа в 30-е гг. XIX в. привела к выделению болгарских училищ из системы греческого просвещения, а в 40-е - начале 50-х гг. количественный рост и изменения в содержании обучения означали переход системы образования в новое качество. Появляются такие черты, которые позволяют говорить о формировании общенациональной системы просвещения.

В 30-е гг. XIX в. у болгар происходит переход от рукописи, как средневековой книжной формы, к печатным изданиям. Издавалась в основном учебная литература. Характерной особенностью болгарского книгопечатания было то, что вплоть до освобождения Болгарии в 1878 г. оно не имело типографской базы внутри страны.

Важнейшим средством консолидации болгарской нации являлась периодическая печать. Появление ее у болгар происходит лишь в середине XIX в. Помимо других причин, объясняющих такое отставание от других народов, следует иметь в виду и состояние просвещения в болгарских землях. Содержание газет и журналов в большой степени отражало проблемы народных училищ.

В движении за духовное возрождение болгар видная роль

принадлежала родному языку. Решение языковых проблем стимулировалось потребностями народного образования. К концу рассматриваемого периода оживленные дискуссии закончились победой сторонников нормализации языка на основе живого народного говора северовосточной Болгарии.

30-40-е гг. XIX в. были и периодом зарождения новой болгарской литературы. Ее развитие также диктовалось состоянием училищ. Значительную долю изданных книг составляли учебники. В то же время учебные пособия являлись существенным компонентом общелитературного процесса на данном этапе.

Таким образом, строительство болгарской культуры нового времени начиналось с создания национальных училищ. Формирование других отраслей культуры во многом определялось потребностями просвещения, что в значительной степени объясняет особенности их развития.

Н.Н. Червенков (Кишинев)

ОДЕССКОЕ БОЛГАРСКОЕ НАСТОЯТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ

Во всех работах об Одесском болгарском настоятельстве (ОБН) его деятельность освещается только до освобождения Болгарии от османского ига. Имеются упоминания, что оно существовало после 1878 г., но не известно, чем эта организация занималась и когда перестала существовать. Обнаруженные в Историческом государственном архиве г. Петербурга материалы, а также сообщения одесских газет позволяют отчасти восполнить этот пробел: раскрыть деятельность ОБН с 1878 по 1917 г., выяснить причины закрытия и судьбу его имущества.

В рассматриваемый период, в отличие от предыдущего, Настоятельство практически не занималось политическими проблемами. Лишь в первые годы после освобождения Болгарии некоторые его члены участвуют в строительстве болгарского

государства. Например, один из лидеров Настоятельства — В.Н. Палаузов даже принимал участие в работе Первого народного съезда (1879 г.) как депутат от Одесского болгарского настоятельства.

ОБН главным образом занимается в этот период культурно-просветительской деятельностью. Оно обучало за свой счет ежегодно четырех болгар в учебных заведениях России. Настоятельство таким образом содержало десятки студентов из Болгарии. Сверх того, оно распределяло ежегодные стипендии 5-ти болгаркам, отпускаемые в размере 1750 руб. Министерством иностранных дел России. В отдельных случаях из средств организации выдавались единовременные пособия учащимся и вообще болгарским гражданам. Особенно значительная помощь оказана болгарским эмигрантам, которые прибыли в Россию в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в.

Настоятельство самостоятельно или при содействии Одесского славянского комитета им. Кирилла и Мефодия проводило работу по изучению прошлого болгарского народа, отмечало болгарские праздники, особенно День славянских просветителей.

Последними официальными членами Настоятельства числились упомянутый действительный статский советник, проф. В.Н. Палаузов, мировой судья г. Одессы Д.А. Рашеев, бывший адъютант болгарского князя Ф.С. Узалиев (проживавший с 1888 г. в имении отца в Бессарабии) и казначей и производитель Настоятельства И.Д. Рашеев.

Перед роспуском ОБН располагало следующим имуществом: большим домом, часть которого отдавалась под наем; капиталом в 30 тыс. руб. из пожертвований болгарских колонистов Бессарабии и 4500 руб., завещанных сыном членом Настоятельства А. Кисовым, а также разного рода ценными бумагами.

В связи с тем, что Болгария в первой мировой войне была в коалиции против России, с самого ее начала российские власти стали препятствовать деятельности ОБН. Позднее был поднят вопрос о роспуске этой болгарской организации. 9 февраля 1917 г. русский царь утвердил "упразднение существующего в Одессе под названием "настоятельства одесских

болгар" с "передачей имущества и капиталов сего общества благотворительному обществу при одесском кафедральном соборе".

Г.И. Чернявский (Харьков)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. БАКАЛОВА КАК ИСТОРИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ
(1905 – 1918 гг.)

Исследователи творчества Г. Бакалова уделили наибольшее внимание его литературоведческой и литературно-критической деятельности в 20–30-е годы (работы И. Аджиева, В. Колевского, К. Еленкова, В.И. Злынцева). Участие Бакалова в общественно-политической борьбе специально не изучалось, а его вклад в анализ национальной истории, переводческая и библиографическая работа изучены в значительно меньшей степени, нежели литературоведческая, причем также главным образом применительно к тому периоду, когда он с 1920 г. членствовал в компартии (труды А.С. Бейлиса, Л.Е. Гречевой, А.Н. Горянинова).

Научная деятельность Г. Бакалова в тот период, когда он возглавлял центристское течение в болгарской социал-демократии и ожесточенно полемизировал с тесносоциалистическими лидерами (1905–1918 гг.), оказалась неудобной для освещения в условиях тоталитарных режимов НРБ и СССР, так как не вписывалась в вульгарно-догматическую историко-политическую охому. Добросовестные исследователи его творчества, по-видимому, не могли не заметить, что разрыв с партией тесных социалистов в 1905 г. позволил Бакалову начать превращение в подлинного ученого-общественода, но открыто сказать об этом они не имели возможности.

Анализ источников, прежде всего произведений Г. Бакалова, а также архивных материалов Болгарии и России, включая архив семьи Бакаловых, позволил установить, что именно в рассматриваемый период, начав избавление от некото-

рых догм, Бакалов стал формироваться как профессиональный историк и литературовед. Хотя он оставался на позициях марксистской методологии и в его трудах можно обнаружить преуменьшение самостоятельности духовного и культурного развития по отношению к экономике, такого рода вульгаризации свойственны были ему в значительно меньшей степени, чем теоретикам тесного социализма Д. Благоеву, Г. Киркову, Х. Кабакчиеву, И. Клинчарову.

В отличие от них Бакалов с уважением относился к болгарским ученым, отвергавшим марксизм, публиковал положительные рецензии на их труды (например, на 3-томник А. Страшимирова об Апрельском восстании 1876 г.) и в то же время резко критиковал сочинения И. Клинчарова, не отличающиеся научными достоинствами. Основное внимание в историко-аналитической деятельности Бакалов уделил Х. Ботеву, причем внес важный вклад в разыск и анализ документов о самом Ботеве и связях болгарских революционеров 60-70-х годов XIX в. с русскими эмигрантами. Важные материалы он получил от находившегося на Филиппинах Н.К. Русселя-Судзиловского, а также обнаружил в коллекции И. Шишманова, тесная связь с которым никак не вписывалась в догматы "непримиримой классовой борьбы".

Большинство статей и брошюр Бакалова данного периода посвящены литературоведческой тематике. Анализируя художественное творчество предосвободительной эпохи, он отметил благотворное влияние на него русских писателей. Но в оценке некоторых художников, особенно И. Вазова, можно отметить схематизм. По пути избавления от упрощенного социологизма, смешения художественной позиции с политическими воззрениями Бакалов не смог пройти до конца. В то же время обнаруженная автором этого доклада переписка Бакалова с Вазовым свидетельствует, что, несмотря на довольно острую полемику, они поддерживали тесные контакты.

Нельзя не отметить огромного вклада в болгарскую культурную жизнь основанного Бакаловым в 1905 г. частного издательства "Знание", в котором до закрытия в 1921 г. было выпущено свыше 1100 наименований книг.

Переход Г. Бакалова после окончания мировой войны на прокоммунистическую позицию, а затем вступление в БКП привели к тому, что догматизм и схематизм в его творчество вновь резко усилились. Подчинение научного творчества интересам "коммунистической партийности" крайне ограничило возможности беспристрастного анализа.

Д.Г. Песчаний (Краснодар)

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН (БОЛГАРИИ И СССР) В 40-50-е гг ХХ в.

Проблемы культурного, духовного взаимодействия славянских народов и государств на различных этапах их исторического развития, особенно во время крушения сталинистских догм и практики, приобрели не только научную, но и обостренную политico-воспитательную значимость. Воздействие сталинизма на эти взаимоотношения имело сложный, многоплановый, крайне противоречивый характер с отрицательными последствиями.

В последние годы ряд авторов в славянских странах в своих работах пытаются проанализировать причины распространения влияния сталинизма в их странах, его временной победы, что актуально для науки. Однако, к сожалению, в стремлении к "демокоммунизации" истории забывают, что славянская общность и взаимодействие, определяемые многими веками, понятие шире и глубже, чем сталинизм. Они проявляют опасную односторонность, оценивая всешедшее из Союза в последние десятилетия лишь в черных цветах, отрицательно, следуя принципу: "Сжечь мост, если по нему прошел паршивый пес". Они выплевывают вместе с грязной водой и ребенком - наше богатство: славянскую общность и взаимодействие. Такой подход не вскрывает всей картины общения народов, подлинной противоречивости процесса взаимоотношений. Типичным примером этому служит, в частности, работа Цв. Косевой ("Исторически преглед". София, 1991, кн. 4). Ана-

лизируя пути и формы идеологического, проникнутого сталинизмом и патернализмом, советского влияния в Болгарии в конце 40-50-х гг., автор однозначно отрицательно оценивает все виды и формы связей того периода, "забывал" о том, что писал еще недавно ("Летопис на дружба". София, 1984. Т. 9).

Сторонники таких конъюнктурных подходов забывают о многих других формах, каналах, сферах взаимосвязей, которые позволяли славянским народам развивать культуру благодаря использованию всемирно-известных научных и духовных достижений русских, украинских, белорусских ученых и деятелей культуры, внесших весомый вклад в общемировую цивилизацию. Например, только в конце 40 - 50-х гг. в зарубежные славянские страны было направлено несколько миллионов экземпляров книг, журналов по сельскохозяйственной науке, а в нашей стране были изданы сотни трудов болгарских, польских, сербских, чехословацких ученых, писателей. Славянское взаимодействие, охватывающее многие нетленные плести культуры, науки, духовности укрепляло жизнестойкость наших народов в общеевропейском развитии. Поэтому нам нельзя терять ни одной ценной страницы в необытной летописи этого взаимодействия. Любая односторонность в рассмотрении указанных вопросов удаляет нас от объективных оценок, наносит вред славянскому взаимодействию, разрывает сложившееся общение миллионов людей. Эта опасность оказывается и на практике: по сравнению с началом 80-х гг. за последние годы в 4-5 раз сократился обмен учеными, писателями, переводами, книгами; почти прекращен обмен периодическими изданиями. Наша задача прервать этот негативный спад.

Н.Г. Зимина (Саратов)

БОЛГАРИЯ, МИР И КУЛЬТУРА НА БАЛКАНАХ (НА МАТЕРИАЛАХ БАЛКАНСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ 1930-1933 ГГ.)

Болгария была одной из балканских стран, пострадавших от войн, жертвами которых стали несколько поколений. Причи-

на была в том, что в международных отношениях важную роль продолжала играть сила и прежде всего военная, а в результате насилия обычно заключался несправедливый мирный договор, подобный договору в Нейи в 1919 г., явившемуся составной частью Версальской системы.

В межвоенный период некоторые известные общественные деятели и пацифисты, среди которых были болгарские представители, в частности Ст. Киров, Я. Сакизов, Тр. Трифонов, А. Тодев и др., приняли активное участие в деятельности Балканских конференций (1930-1933 гг.), поднявших свой голос в защиту культуры и мира на Балканах. Поскольку между Балканскими странами существовало много спорных вопросов и недоверия после многочисленных войн, что препятствовало согласованию официальной политики, инициативу их созыва взяли на себя неправительственные организации, в основном пацифистские. Поэтому движение за балканское сближение и сотрудничество стало значительным событием на Балканах, получившим международный отклик.

На конференции речь шла прежде всего о развитии культуры международных отношений, о соблюдении общепризнанных норм нравственности и справедливости, об отказе от применения силы и решения спорных вопросов мирным путем, о необходимости политического воспитания балканских народов, разъяснения природы мира, внушения терпимости к другим народам и культурам.

Делегаты конференций придерживались противоречивых взглядов в оценке роли болгарской делегации на конференциях. Одни видели в ее позиции дестабилизирующий фактор, так как она поднимала проблемы национальных меньшинств. Другие, напротив, придерживались мнения, что не следовало обходить этот важный вопрос и найти его удовлетворительное решение. По словам Тр. Трифонова, главы болгарской делегации на III конференции в Бухаресте в 1932 г., "в каждой из балканских стран находились более менее значительные группы меньшинств, представляющих другую балканскую национальность. В прошлом каждая из этих стран стремилась гарантировать права этих меньшинств оружием". И он призвал

поискать мирные пути, основанные на искреннем и добром согласии (Les Balkans. 1932, № 1-2, р. 89).

Отношение болгарских участников конференции с остальными национальными группами складывалось непросто, тем не менее они одобрили основные направления работы комиссии по культурному обложению, которая предложила обмен студентами и профессорами, сокровищами музеев, библиотеками, произведениями искусства, изучение балканских языков. Было решено начать подготовку постоянной правовой комиссии и рекомендовано образование национальных комитетов для перевода литературных произведений. Важное место уделялось проблеме исторического образования, публикации исторических документов, научных исследований, издания бюллетеня на французском языке, присуждению премий и стипендий за научные работы. Было предложено основать институт балканских исторических исследований с постоянным местом пребывания в Стамбуле, а также добиться введения в университетах стран полуострова курса балканских языков и образования в столичных университетах кафедр истории цивилизации балканских народов.

С.В. Потрашков (Харьков)

РУССКО-БОЛГАРСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ МЫСЛИ: ВКЛАД РАДКО ДИМИТРИЕВА

До недавнего времени проблема представлялась односторонне, как заимствование Болгарией достижений русской военной теории. В действительности процесс имел взаимообразный характер.

Р. Димитриев (1859-1918) - крупнейший военный деятель будущей Болгарии. Высшее образование он получил в России. На формирование его взглядов большое влияние оказали система боевой подготовки войск М.И. Драгомирова и теория стратегии Г.А. Леера. С этого времени Р. Димитриев оставался приверженцем русской военной школы и постоянно

следил за развитием военной мысли в России.

Опираясь на опыт, приобретенный за время службы в болгарской и русской армиях, Р. Димитриев разрабатывает ряд проблем в области тактической подготовки войск. Появляются статьи "Охотничьи команды у нас" (1899), посвященная тактике партизанских действий; "Ночные учения" (1900), о принципах ведения боевых действий ночью и др. В 1902 г. выходит большой военно-исторический труд "Боевые операции около Шипки в войну 1877-1878 годов", где автор обращает внимание на морально-психологическую подготовку боевых действий, опыт их ведения в ночных условиях.

В 1900-1906 гг., находясь на различных должностях в болгарском Генштабе, Р. Димитриев активно участвует в реорганизации болгарской армии, подготовке новых уставов и наставлений, разработке военного законодательства. Под его руководством создается оперативный план на случай войны с Турцией.

Практическое воплощение военно-теоретические воззрения Р. Димитриева получили во время Балканской войны. Его деятельность в качестве командующего армиями в этот период стала предметом изучения военными специалистами в России (А. Рябинин, П. Махров, В. Буняковский) и получила их высокую оценку.

В первой мировой войне Р. Димитриев участвует в качестве генерала русской армии, командуя сначала корпусом, затем армиями. Он с успехом применяет теоретические разработки раннего периода: в 1914 г. артиллерийской атакой взял г. Николаев. Аналогичный способ Р. Димитриев предлагал для овладения крепостью Перемышль. По-прежнему он придавал большое значение моральному фактору, о чём свидетельствуют многочисленные приказы, разъясняющие солдатам цели войны,зывающие к их чувству патриотизма.

В период командования 12 армией Северного фронта (1916-1917 гг.) Р. Димитриев разрабатывает наступательную операцию, основанную на внезапном ночном ударе, без предварительной артподготовки. Такая тактика наиболее полно отвечала характеру местности и соотношению сил, в частно-

ти хронической нехватке снарядов у русской артиллерии. Операция, известная под названием Митавской (январь 1917 г.), вошла в историю первой мировой войны как пример успешного тактического прорыва. Опыт внезапныхочных действий был рекомендован командованием к изучению и применению на других фронтах. В 20-е годы подготовка и проведение Митавской операции изучались специалистами РККА (И. Уборевич, А. Вольпе, Н. Ступин).

Деятельность Р. Димитриева является ярким примером плодотворного взаимодействия и взаимообогащения русской и болгарской военной мысли.

А.И. Митряев, С.И. Лиман (Харьков)

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТРУДАХ
МЕДИЕВИСТОВ УКРАИНЫ В XIX-XX вв.

Кирилло-методиевская проблема издавна привлекала к себе пристальное внимание историков. Однако на Украине понастоящему научная разработка ее началась с сер. XIX в. Наиболее плодотворными в этом отношении были 60-90-е гг.

Первой крупной работой, посвященной эпохе болунских братьев, стало сочинение П. Лавровского (1863), который обстоятельно рассмотрел довольно мало изученный в науке вопрос об отношении первоучителей к разделению восточной и западной церкви. Характерные для отечественных ученых взгляды на кирилло-методиевскую тематику – признание приверженности болунских братьев православию, враждебного отношения к ним со стороны католического Рима и создание ими в Моравии православной славянской церкви составили краеугольный камень исследований И. Платонова в 60-е гг. по этому вопросу.

Пик научно-исследовательских разработок по данной проблеме приходится на 2-ю половину 70-х – 1-ю половину 90-х гг., что было связано с юбилеем славянских первоучителей. В эти годы существенно меняется характер исследо-

ваний, они приобретают в основном историографический и источниковедческий характер. Опытом подведения итогов всему тому, что было сделано в данном направлении в предыдущие годы стала работа А. Воронова и М. Попруженко об источниках для истории Св. Кирилла и Мефодия. Отдельные источниковедческие и историографические аспекты по данной теме затрагивались также в статьях М. Дринова и А. Булгаксва. Новаторской выглядела попытка П. Лаврова предотвратить полный перевод на русский язык основных источников по кирилло-методиевской эпохе. Существенно обогатили отечественную историографию и труды И.Малышевского (сер. 80-х гг.), паднее своих предшественников советизированного деятельность болунских братьев в Моравии и состояние там славянской церкви при их учениках. Исследования ученых Украины во 2-ой половине XIX в. по рассматриваемым вопросам отошли на уровень достижений отечественной и европейской исторической науки того времени.

В последнее предреволюционное двадцатилетие интерес к кирилло-методиевской проблеме на Украине заметно снизился. Ценных работ по данной теме в этот период опубликовано не было.

В послеоктябрьский период на Украине кирилло-методиевской проблеме уделялось некоторое внимание. В 20-х - 30-х годах можно отметить статьи М. Грунского историографического плана, а также публикации известных специалистов в этой области, работавших за пределами Украины, И. Огиенко и П. Лаврова. В 30-х - 40-х годах вопрос о деятельности Кирилла и Мефодия затрагивался лишь в общих работах по славянскому языкознанию и литературе М. Грунского и И. Свиницкого.

В послевоенный период в ряде статей М. Бойчука, А. Мельниччука, М. Охрименка, П. Попова, В. Петрова и др. дискутировались вопросы о приоритете глаголицы или кириллицы и языковой основе древнеславянской письменности. В некоторых работах Е. Кирилюка и А. Мельниччука освещалось значение просветительской деятельности болунских братьев для развития древнеславянской литературы и межславянских связей.

Л.П. Лаптева (Москва)

ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА М.И. СОКОЛОВ
(1854-1906) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БОЛГАРСКОЙ ПИСЬ-
МЕННОСТИ

1. Имя профессора М.И. Соколова долго пребывало в забвении в нашей исторической славистике, и лишь в последние несколько лет оживился интерес к этому замечательному ученому.

2. М.И. Соколов вышел из петербургской школы славистов, он проходил курс обучения у И.И. Срезневского, но его основным учителем был В.И. Ламанский. Со студенческих лет М.И. Соколов заинтересовался болгарской историей и еще в 1879 г. опубликовал сочинение "Из древней истории болгар", получившее высокую оценку современников. По окончании университета и затем после защиты магистерской диссертации "Материалы и заметки по старинной славянской литературе" Соколов М.И. становится профессором в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине, где в частности читает курс лекций "Сравнительный обзор древней болгарской, сербской и русской литературы". В 1889 г. М.И. Соколов был переведен в Московский университет и назначен профессором по кафедре русского языка и русской литературы. Он читал и общий курс истории южных славян, историю славянских литератур, а также вел практические занятия. В 1900/1901 г. они были посвящены истории богоильства. В специальных курсах, посвященных ересям и религиозным движениям, также говорилось о памятниках болгарской письменности.

3. Еще в 1888 г. М.И. Соколов опубликовал найденный им текст, представлявший собой один из источников апокрифической компиляции попа Иеремии, которого некоторые учёные считали вождем первых еретиков в Болгарии. Сравнив все сохранившиеся списки и подвергнув их глубокому анализу, автор пришел к новым выводам о деятельности попа Иеремии.

ремии. Эти выводы были приняты наукой.

М.И. Соколов изучил также вопрос об источниках другого апокрифа, фигурирующего в литературе под названием "Книга святого Иоанна". В курсе "Славянские литературы IX-X вв." М.И. Соколов освещал произведения Кирилла и Мефодия, их учеников, а также деятельность Иоанна Экзарха, литературу боломильской ереси, творения Козьмы Пресвитера и т.д. Эти и другие темы излагаются М.И. Соколовым в специальной статье "Болгарская письменность" (1899). Являясь в течение почти полутора десятилетий председателем Славянской Комиссии при Императорском Московском Археологическом обществе, возникшей в 1892 г., М.И. Соколов докладывал на ее заседаниях результаты своих исследований, в частности и по болгарской письменности, поощряя и других ученых к подобным исследованиям.

Д.Б. Мельцер (Минск)

БЕЛОРУССКО-БОЛГАРСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 20-30-е гг. XXв.

Непосредственные контакты между деятелями белорусской и болгарской культур зародились в середине 20-х годов.

Белорусская общественность проявляла большой интерес к Болгарии, к ее культуре. В результате личной переписки, в основном по нелегальным каналам, устанавливались контакты между писателями, литературными журналами и газетами. С белорусской стороны в осуществлении литературных связей участвовали представители таких литературных и общественных организаций, как Белорусское объединение пролетарских писателей, литературные объединения "Молодняк" и "Узвышша".

Рассматривая процесс проникновения и распространения произведений белорусских литераторов в Болгарии, следует указать, что основная роль принадлежала общественности и, в частности, Л. Огнянову-Ризору. Начиная с 1930 г. систематически обменивались новинками художественной и научной литературы Белорусская государственная библиотека и Нацио-

нальная библиотека в Софии.

Белорусские и болгарские ученые проявляли обоядную заинтересованность в налаживании научных связей. Значительным событием в истории этих связей был приезд в Белоруссию видных болгарских ученых – профессора Софийского университета И. Странского и профессора Д. Костова, которые читали лекции в Белорусском государственном университете. Одновременно генетик Д. Костов являлся консультантом Института биологии Белорусской академии наук. Труды белорусских ученых П.Ф. Ракицкого, С.Я. Вольфоона были переведены на болгарский язык и изданы в Софии.

С 1926 г. начался обмен научными изданиями между Белорусским и Софийским университетами, Белорусской сельскохозяйственной академией и Болгарской академией наук и рядом других научных учреждений.

Болгарская общественность знакомилась с белорусским искусством. К примеру, среди более семидесяти художественных и документальных фильмов из Советского Союза демонстрировавшихся на экранах страны, семь являлись произведениями кинематографистов "Белорусьфильма".

Следует отметить, что Советское правительство стремилось использовать исторически сложившиеся культурные связи и грузбу между народами наших стран в своих внешнеполитических планах. В этом смысле на развитие белорусско-болгарских культурных контактов накладывала отпечаток официальная сталинская идеология. Белорусская литература и искусство, как и все средства политической пропаганды, были направлены на то, чтобы выразить как прекрасна и счастлива жизнь в первой стране социализма.

Л.Л. Дубова (Харьков)

ШАЛЯПИН В БОЛГАРИИ

Имя Ф.И. Шаляпина в 20-30-е годы нашего столетия было связано с оперными театрами всех крупных европейских стран. Пресса писала, что Шалярин фактически перешел на

эмигрантское положение, купил дом в Париже. Правда, как говорилось в одной из статей, был он эмигрантом особым - "граунд синьором, выезжал с концертами лишь туда, где был уверен в поклонении и восторге и где платили за выступление годовой министерский оклад".

Специальная литература о деятельности Ф.И. Шаляпина в эмиграции, о его контактах с отдельными странами и о его гастролях почти отсутствует. В данном докладе на базе болгарской и русской эмигрантской прессы, а также опубликованных и неопубликованных, хранящихся в болгарских и советских архивах воспоминаний, впервые освещаются пребывание и гастроли Шаляпина в Болгарии в 1934 г.

С конца июля 1934 г. в Болгарии стали распространяться слухи о предстоящих гастролях русского гения, прежде всего в среде русских эмигрантов. Действительно, 8 октября 1934 г. Ф.И. Шаляпин приехал в Софию. 9 октября начались репетиции с труппой Софийской Народной оперы. Ф.И. Шаляпин выступил в спектаклях "Князь Игорь" Бородина и "Борис Годунов" Мусоргского. В опере "Князь Игорь" он пел партии Галицкого и Кончака. Шаляпин спел 5 спектаклей на софийской сцене, присутствовал на спектакле "Лоэнгрин" в постановке режиссера Д. Кырджиева, 21 октября был на банкете, устроенном в его честь меценатом А.В. Арцишевским, где в числе гостей были Н.О. Массалитинов, Е.Ф. Краснопольская, бывшие артисты Московского Художественного театра, художник Н. Глинский, ныне живущий в Саратове, с которым автору данного сообщения удалось встретиться, а также М. и Л. Ангеловы, о чем сохранились воспоминания первой из них, исполнявшей партию Ксении в спектакле "Борис Годунов" с Ф.И. Шаляпиным. 22 октября Ф.И. Шаляпин дал благотворительный спектакль "Князь Игорь" в пользу бедных детей Софии. В конце IV картины на сцену вышли директор Народного театра Вл. Василев и главный дирижер оперы М. Златин. Вл. Василев произнес речь, а затем по поручению министра Народного просвещения Болгарии передал Ф.И. Шаляпину олагодарность за благородство, которое он проявил по отношению к бедным детям Софии, и вручил его орден "Святого Александра

ра" I степени, которым певца удостоил царь Борис III. 23 октября болгарская театральная общественность проводила Ф.И. Шаляпина в Париж.

Гастроли Шаляпина проходили при переполненном зале театра. А.М. Федоров, возглавлявший в Софии общество русских писателей, в своих воспоминаниях писал: "Это своего рода колдовство, магия. Конечно, сила этого колдовства новое не исключает труд, наоборот, она нуждается в нем, но не больше, чем бриллиант нуждается вшлифовке. Объяснить как бы то ни было явление этого чуда нельзя. Где интересно, что можно сказать о нем, что это исток в народной стихии, в народном духе".

С Болгарией Ф.И. Шаляпин связывал определенные творческие планы, хотя о болгарской певческой школе че был особо высокого мнения. Он говорил, что в Болгарии талантливые музыканты, "но если бы у вас были хорошие преподаватели, было бы еще лучше". Сам Шаляпин в Болгарской Народной опере в процессе подготовки гастрольных спектаклей был и преподавателем, и режиссером, и актером.

Ф.И. Шаляпин очень жалел, что только впервые за много лет смог исполнить свое намерение приехать в Болгарию и почувствовать себя "среди своих". Он говорил, что "болгарская душа сродни русской". Он искренне мечтал построить на свои средства здание на месте между улицами Раковского и Нопа Андрея напротив Народного театра и основать там свою оперную школу. Он мечтал приехать в Болгарию с семьей. По различным причинам эти планы не удалось реализовать.

Ф. Узунколев (Санкт-Петербург)

А.Т. ТВАРДОВСКИЙ И БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Русская литература издачна занимает особое место в развитии болгарской художественной литературы, болгарской национальной культуры. Русско-болгарские взаимные культур-

ные связи насчитывают более 10 веков. Народно-поэтическая лексика наших народов, их поэзия - песни, бытны, другие виды художественного творчества объединяют наши страны. Славянская культура связана корнями с народным стихом, где в словах ударение экспираторное. Оно усиливает ударный слог. В русском и болгарском языке одна основная система стихосложения - силлабо-тоническая. В наших литературных эпитетах (чаще всего это прилагательные при существительном), идиоматические и другие выражения имеют зачастую свои соответствия, обладают сходной эмоциональной силой. Эпитеты, как и в народной поэзии, устоявшиеся.

Общность народных мотивов, сюжетов и жизненных представлений является питательной средой, из которой черпают силу переводчики для адекватного воссоздания произведений А.Т. Твардовского на болгарском языке. Переводы такого русского по духу поэта, как Твардовский имеют не только познавательное значение, но и свидетельствуют о разнообразных аспектах взаимодействия литератур. Болгарские переводчики не ограничиваются переводом отдельного произведения, а стремятся осмыслить его роль и место в литературном процессе. Один из лучших переводчиков Твардовского Н. Вылечев в беседе с автором статьи говорил, что герои Твардовского "являются духовной эманацией своего народа, своей родины. Такие авторы обогащают мировую культуру".

К переводам произведений Твардовского в Болгарии всегда относились с большой ответственностью. Если, например, отрывок из поэмы "Страна Муравия" в переводе Н. Марангозова впервые появился в 1957 году, то вся поэма увидела свет лишь семь лет спустя. Другой пример. Поэма "По праву памяти" впервые была опубликована в 1987 г. в журнале "Знамя". Уже через три месяца поэма была издана в Болгарии в переводе К. Станишева, который говорил автору, что перевод был для него как социальный заказ, как гражданский долг.

Влияние произведений Твардовского не могло не сказаться и на творческом развитии болгарских поэтов. Профессор С. Русакиев отмечает, что "ярким и интересным представляется типологическое сходство поэм "За далью - даль" (1960)

Александра Твардовского и "Похожей осенью" (1961) Валери Петрова... Прежде всего бросается в глаза жанровое сходство поэм. Бессюжетные, обладающие свободной композицией, они носят характер лирической исповеди, откровенного, волнующего разговора с читателем о многих важных вопросах современности". По мнению Н. Маноловой, "лирических героев этих двух поэм в первую очередь отличает историзм мышления". Оба автора обладают умением масштабно отображать главные черты времени, их слог афористичен, каждая строфа заключает в себе философскую глубину мысли. А. Твардовский и В. Петров являются "рупором" народа.

Много общего в поэзии Твардовского и Д. Методиева. Как и автор поэмы "За далью - даль", болгарский поэт проявляет поистине гражданское мужество в отображении действительности периода культа личности. В книге "О времени и о себе" он дал оценку прошлому, когда "На комунистите о трагичните съди, загинали по дебрите и по завоите - когато артилерията би по своите...". Особенно роднит А. Твардовского с Д. Методиевым умение принципиально, с беспощадной прямотой давать обобщенную характеристику нравов - "Так это было!". У обоих авторов прослеживается вера в человека. У болгарского поэта олицетворением мужества становится образ женщины-матери, женщины-солдатки. У Твардовского - образ русского солдата, спасителя мира.

Влияние русского поэта ощущается и в других сферах болгарской культуры: сценический вариант перевода поэмы "Василий Теркин", созданный Н. Вылчевым, был сыгран в театре Народной армии Болгарии.

Творчество А.Т. Твардовского стало национальным достоянием болгарского народа.

Е.Б. Бахтина (Воронеж)

Вас.И.Немирович-Данченко и общественность Болгарии

Вас.И.Немирович-Данченко (1844-1936) - известный русский журналист, писатель, путешественник внес большой вклад в развитие русско-болгарских связей. Некогда имя

его было широко известно в славянском мире.

Кроме регулярной работы в ряде солидных периодических изданий, Вас.И.Немирович-Данченко принял участие во всех крупных войнах вт. пол. XIX - начала XX вв. Особое место в его трудах занимают работы, связанные с историей Болгарии. В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. он стал бесценным военкором газеты "Новое время". Имея специальное военное образование, писатель с большим знанием дела готовил материалы статей для газеты, вел дневниковые записи. Сражаясь первом, изобличал злодеяния турецких завоевателей, рассказывал о мужестве солдат русской армии и болгарского ополчения. Он был не только талантливым корреспондентом, но и храбрым воином, награжденным за личную доблесть солдатским Георгием и Знаком отличия военного ордена четвертой степени.

Изучением творчества Вас.И. Немировича-Данченко в до-советский период занимались исключительно филологи. Основательных исследований специального характера не обнаружено. Существует лишь ряд отдельных откликов и критических статей. В советский период имя его было забыто, а произведения использовались как вспомогательный материал в специальных исторических сочинениях.

Основными источниками по избранной теме являются произведения писателя: "После войны", "Тод войны", "30 лет спустя", "Болгария будущего"; материалы Фонда 355 Вас.И. Немировича-Данченко ЦГАЛИ СССР. Фонд 355 содержит переписку Вас.И.Немировича-Данченко с болгарскими писателями, письма к нему болгарских общественных организаций и частных лиц.

Можно выделить следующие этапы в деятельности писателя, связанные с историей Болгарии: I. 1876-1917 гг. - довоенный этап: участие писателя в борьбе народов Балканского полуострова с турецкими завоевателями 1876-1878, в Балканских войнах 1911-1912, изучение специфики развития молодого буржуазного государства на Балканах, в демократические основы которого он свято верил; II. 1922-1936 гг. - деятельность писателя в эмиграции: развитие взгля-

дов на идею единства славянских народов, участие писателя в юбилейных празднествах, связанных с чествованием героев русско-турецкой войны 1877-1878, переписка с болгарской интеллигентией, особенно с писателями и журналистами, попытки перевода работ болгарских писателей на русский язык и издание своих сочинений на болгарском языке.

Анализ произведений Вас.И.Немировича-Данченко позволяет сделать вывод о либерально-демократических воззрениях писателя. Его идеалом являлось буржуазно-демократическое государство. И в своей работе "После войны" он дал высокую оценку Тырновской Конституции. Особую роль в ее подготовке и принятии он отводил представителям болгарской интеллигенции. Вас.И. Немирович-Данченко указывал, что именно особенности социально-экономического развития Болгарии после освобождения создали возможности для развития прогрессивно-гражданского направления в литературе. Ценным являлось воспоминания о представителях первого поколения болгарских писателей: Ботеве, Раковском, Вазове, Каравелове, Чипчунове, которым, по мнению писателя, выпала почетная миссия создания болгарского литературного языка.

В период пражской эмиграции (1922-1936) Вас.И.Немирович-Данченко сотрудничал с болгарскими газетами "Славянский голос", "Заря", "Македония", "Зарница", вел большую общественную работу. Произведения его продолжали издаваться на всех европейских языках. Но средств к существованию пре старелому писателю не хватало. И только поддержка прогрессивной славянской интеллигенции спасала его от окончательного обнищания. Правительство Болгарии выделило ему в 1934 г. ежегодную народную пенсию. Юбилей писателя праздновались в Болгарии, как юбилей национального героя. Болгарская общественность высоко оценила деятельность Вас.И. Немировича-Данченко. Царь Болгарии Борис III наградил писателя орденом за гражданские заслуги.

Вклад Вас. И. Немировича-Данченко в развитие русско-болгарских связей весом. Непосредственные контакты с представителями прогрессивной русской культуры были одним из факторов, способствующих формированию и развитию болгарской культуры.

БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ
(СЕРЕДИНА 1950-х – СЕРЕДИНА 1980-х гг.)

К болгарской теме советские периодические издания обращались регулярно. Учитывая тесную зависимость массовой коммуникации от социально-экономических и политических процессов, можно проследить основные тенденции в освещении советской прессой культурной жизни Болгарии с середины 1950-х до середины 1980-х гг. За это время восточно-европейские страны прошли путь от некоторого ослабления бюрократического давления со стороны партийного и государственного аппарата как главного метода управления обществом до начала краха административно-командного социализма. Объективное исследование многосторонней деятельности такого общественного института, как пресса, на различных этапах его развития благоприятствовало бы созданию информационного порядка, адекватного задачам демократизации политических режимов в Восточной Европе.

Пресса в Советском Союзе в изучаемый период являлась наиболее широкодоступным каналом информации. Увеличение тиражей газет и журналов, появление изданий по вопросам культуры, установление прямых контактов центральных и республиканских, а с развитием побратимского движения – местных органов печати объективно расширяли и географические границы, и возможности освещения болгарской темы. Из ежемесячников, специализировавшихся по культурной проблематике, инициативу в развитии непосредственных связей взяли на себя литературно-художественные журналы союзов писателей.

Содержание материалов о болгарской культуре было весьма разнообразно. К ним относятся статьи и очерки об успехах науки, образования, прозведения, литературе, искусстве, как правило, после 1944 г., интервью с деятелями культуры, репродукции произведений изобразительного искусства, фотот-

репортажи о проведении Дней болгарской культуры, гастролях творческих коллективов. Периодические издания, являясь в системе массовой коммуникации основной трибуной художественной критики, помещали рецензии на литературные произведения, фильмы и спектакли, созданные болгарскими авторами. Однако многообразие и неоднозначность художественного процесса, на развитии которого оказались и спекулирование беспроигрышной тематикой, и спекулятивство со стороны партийного руководства, отразили издававшиеся творческими союзами журналы "Иностранный литература", "Искусство кино", "Искусство", "Советская музыка", "Театр", "Весь мир" (на украинском языке), "Знамя" (на чувашском языке).

Наиболее полное представление советская периодика давала о развитии болгарской литературы. Знакомя читательскую аудиторию с лучшими произведениями (П. Матева, П. Вежинова, Б. Димитровой, Е. Багряны), которые готовили общество к переменам и будили гражданские чувства, литературно-художественные и общественно-политические журналы отчасти компенсировали падение выпуска болгарской художественной прозы центральными и республиканскими издательствами в конце 1960 – начале 1970-х гг. В меньшей степени получили отражение кинематография, музыка, изобразительное и театральное искусства.

Советская пресса откликалась на русско-болгарские и советско-болгарские художественные связи. Периодичность публикаций, абсолютное большинство которых приурочивалось к юбилейным и памятным датам в истории и взаимоотношениях двух стран, зафиксировала централизм и заорганизованность двусторонних отношений в целом. Исследование жанрово-тематической направленности материалов о развитии литературы и искусства в НРБ свидетельствует о превалировании пропагандистской функции печати в них над остальными, о недостаточной оперативности информации на культурную тематику.

С.Ю. Странник (Харьков)

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И БОЛГАРИИ (СЕРЕДИНА 60-Х - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 80-Х ГГ. ХХ в.)

Советско-болгарские литературные связи послевоенного периода достаточно интенсивно изучались литературоведами (В.Д. Андреев, В.А. Захаржевская, В.И. Злынцев, Н.Н. Пономарева, В. Колевски, С. Русакиев и др.), однако роль Союзов писателей в их развитии до сих пор не привлекла внимание исследователей.

Правовую базу двусторонних связей составили межправительственные Соглашения о культурном и научном сотрудничестве от 19 мая 1966 г. и 3 ноября 1976 г. На их основе секретариаты Союзов писателей разрабатывали рабочие и перспективные планы, где определялись основные направления, формы и квоты обменов, а также фиксировалось взаимные обязательства сторон.

Анализ документов, хранящихся в Центральном архиве СП СССР и в Центральном государственном архиве Болгарии (ф. 551), позволяют проследить основные тенденции сотрудничества писательских организаций. Важнейшей из них является увеличение общего объема двусторонних обменов. Если в 1966-1970 гг. Советский Союз посетило около 200 болгарских писателей, то в 1971-1975 гг. - 223, 1976-1980 гг. - 327, 1981-1985 гг. - 492. Примерно в таких же масштабах росло число членов СП СССР, выезжавших в Болгарию: около 230 в 1966-1970 гг., 268 - в 1971-1975 гг., 391 - в 1976-1980 гг., 441 - в 1981-1985 гг. Столь же очевидна тенденция к снижению удельного веса творческих командировок и увеличение в структуре обменов поездок с литературно-пропагандистскими и организационными целями (встречи с писателями и читателями, участие в конференциях и симпозиумах, совместных заседаниях секретариатов, юбилейных торжествах, днях культуры, литературы, поэзии, книжных декадах, ярмарках и т.п.). В 1976-1985 гг. они составили соответ-

венно 12,2% и 37,1% для советских писателей, побывавших в Болгарии (17,7% приходилось на поездки переводчиков для повышения творческой квалификации; 20,3% - на прямые контакты сотрудников редакций и авторских коллективов литературных газет и журналов; 11,5% - выезды на отдых и лечение).

Жесткая централизация и регламентация международной деятельности в условиях "застоя" приводила к тому, что некоторые литературы народов СССР были представлены в двухсторонних обменах не адекватно их потенциальным возможностям. Связи Союза болгарских писателей (СБП) с республиканскими писательскими организациями вплоть до конца 80-х гг. опосредствовались через правление СП СССР, что искусственно сдерживало их развитие. Большая часть квоты, выделяемой на обходные поездки, была монополизирована московским и софийским отделениями творческих союзов. В известной мере остроту проблемы смягчало установление прямых связей между местными организациями писательских союзов по линии породненных регионов, начало которым было положено на рубеже 60-70-х гг.

Пожалуй, писательским союзам в большей мере, чем другим творческим организациям, была приоуша идеологическая заданность проводимых мероприятий, подразумевавшая, в частности, ритуальную демонстрацию верности методу социалистического реализма и единодушия по вопросам общественно-политической и духовной жизни. Так, СБП проявил солидарность с позицией секретариата правления СП СССР в связи с "делом" А. Синявского и Ю. Даниэля, по которому, как заявил Г. Джагаров, "у нас не может быть иного мнения, кроме мнения советского правосудия". Под нажимом ЦК БКП болгарские писатели присоединились к травле А.И. Солженицина, приложив максимум усилий, чтобы последний не был принят в ПЕН-клуб и выразив на Второй национальной конференции (1970) протест против известного решения Нобелевского комитета. Лишь немногие литераторы НРБ проявили тогда гражданское мужество и не голосовали за осуждение А.И. Солженицина: четыре из них (Х.Ганев, М. Ганчев, Г.

Гочев, В. Петров) были затем исключены из БКИ, а один (Б. Димитров) – из Союза писателей. Более того, за популяризацию "Архипелага ГУЛАГ" на 5 лет был осужден молодой литератор-русист Л. Цветков. Исключительно политическими соображениями продиктовано и одобрение руководством СБИ текста обращения болгарского ПЕН-центра в 1976 г. в международный ПЕН-клуб с требованием исключить из его состава ПЕН-центры Латвии и Эстонии в эмиграции.

Подобного рода действия, замалчивавшиеся ранее, бросают тень прежде всего на руководство СП СССР и СБИ тех лет, которое, выполняя социальный заказ правящих коммунистических партий, стремилось искоренить инакомыслие, не допустить в писательской среде плорализма мнений в вопросах политики и эстетики.

Г.И. Лепехина (Воронеж)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО БОЛГАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Пристальный интерес к истории второй мировой войны существовал всегда.

В наши дни предпринимаются попытки пересмотреть устоявшиеся положения, исследовать те аспекты, которые раньше не привлекали внимания общественности, в частности, вклад учащейся молодежи и ее отдельных групп в антифашистскую борьбу в годы войны. Этому кругу вопросов в последние годы посвятили свои труды П. Иванов и Цв. Тодорова.

Опубликовано немало источников, раскрывающих данную тему. Однако, поэтические произведения и проза антифашистов историками, как правило, не изучались. Обращение к исследованию литературных памятников в свете нового подхода к истории как "живой" имеет значительный смысл. Ведь действовали не абстрактные, а реальные люди, с неповторимым внутренним миром, одаренные и незаурядные.

Для избранного источника характерны: биографическая связь авторов с учебными заведениями страны, активность писателей в борьбе и общая судьба. Они погибли, не дожив до победы.

Наша задача - выявить общие положения, раскрывающие особенности вооприятия мира авторами.

За основу взяты сборники "С кръвта си ношите тревожим" и "За живота". В них предста члены произведения восьми писателей - представителей изучаемой группы молодежи (Ив. Стоянов, Цв. Спасов, Ив. Нивянин, Ст. Йовчев-Вечвой, В. Воденичарски, Ат. Манчев, М. Ангелов, Т. Ставески). Сравнение стихотворений дооценной и военной поры позволяет проследить динамику взглядов авторов. Тревога и готовность к испытаниям сменяется твердой убежденностью в том, что борьба - дело всех и каждого, дело святое, и никакие жертвы не страшны.

Несмотря на различный жизненный опыт, разную степень совершенства поэтического мастерства, на стиль произведений можно выделить ведущие сюжеты, которые так или иначе имели место в творчестве каждого из авторов.

1. Произведения, обращенные к республиканской Испании, когда боль, гнев и восхищение смешивались воедино. Главное - идея борьбы против фашизма и солидарность с борцами. Данная тема нашла отражение у многих поэтов.

2. Протест против деспотизма фашистов, показ суровых условий жизни и борьбы. Например, произведения, написанные в концлагере, отражают весь ужас жизни узников. Кроме того, Ст. Йовчев-Вечвой - политзаключенный Варненской тюрьмы, раскрывал чувства человека, приговоренного к смерти.

3. Обращение к традициям болгарского народа, к эпохе Возрождения, к светлым образам Хр. Ботева и В. Левского. Дается также оценка событий 1923 г., во время которых часть писателей потеряла родных, близких, друзей.

4. Раскрытие идейно-политического воздействия партии, преданности ее идеалам и готовности к самопожертвованию. Несколько стихотворений посвящены Г. Димитрову, который после лейпцигского процесса стал символом борьбы с фашиз-

МОМ.

5. Вера в СССР и Красную Армию – освободительницу (это характерные мотивы стихотворений и в первые, такие трудные месяцы Великой Отечественной войны).

6. Призыв к вооруженным методам, к активизации партизанской борьбы. Звучит дань уважения к погибшим и уверенность в том, что смерть не способна остановить человека, вбесцело преданного идеалам свободы. Многие стихотворения написаны по "свежим следам", о реальных событиях.

7. Мечты о будущем, когда человечество забудет об ужасах войны, когда люди будут очастливы не вопреки обстоятельствам, а благодаря им.

Разумеется, часть произведений несовершена в поэтическом мастерстве. Однако до нас доходит голос современников тех великих событий, это не мемуары, подправленные временем. В этих произведениях отражены подлинные мысли и чувства людей, их восприятие мира, их представления о будущем. И недаром один из авторов – студент Цв. Спасов писал о том, что имеется неумолимая связь между мыслями и делами. Поэзия имеет глубокий смысл, потому что она служит жизни, выражая насущные общественные задачи и являясь моральной опорой, подает пример для подражания.

Э.Г. Вартаньян (Краснодар)

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проблемы культуры в последние годы занимают все более достойное место в учебном процессе вузов. И это еще раз подчеркивает непреходящее значение культурных ценностей в деле воспитания и формирования личности, в осмыслении ее духовных богатств, созданных человеческой цивилизацией.

Необходимым условием подготовки специалистов в области славяноведения в самом широком значении этого слова

является изучение славянской культуры во всем многообразии ее аспектов и, в первую очередь, жизни и деятельности создателей славянской письменности братьев Кирилла и Мефодия.

В учебном процессе исторического факультета Кубанского государственного университета вопросы культуры славянских народов тесно связаны с главной научной проблемой кафедры новой и новейшей истории – историей и культурой болгарского народа. Они являются составной частью общих лекционных курсов по истории южных и западных славян, специальных курсов, семинаров и спецсеминаров. На факультете читается спецкурс "Культура славянских народов", охватывающий период средневековья и нового времени, проводится спецсеминар по актуальным проблемам культуры славянских народов.

Историки-слависты кафедры новой и новейшей истории КубГУ – проф. Нечаний Д.Г., доценты Ачагу Р.М., Павловский С.В., Вартаньян Э.Г. подготовили несколько научных и методических пособий по различным аспектам культуры славянских народов. В 1988 г. доцентом Павловским С.В. издано учебное пособие под названием "Болгарское национальное Возрождение", в печати находится подготовленное доцентом Вартаняном Э.Г. пособие по культуре славянских народов в рамках общей проблемы "Мировая художественная культура". Большим подспорьем для студентов являются разработанные преподавателями кафедры новой и новейшей истории методические рекомендации по новейшей истории Болгарии, включающие материалы о культурном взаимодействии наших стран.

Тематика контрольных, курсовых и дипломных работ составлена профессорско-преподавательским составом кафедры с учетом большого интереса, проявляемого студентами к вопросам славянской культуры и в соответствии с программными требованиями.

На историческом факультете КубГУ за последнее десятилетие защищено более ста дипломных работ, посвященных различным аспектам истории и культуры южных и западных славян. Это такие работы как "Отражение национально-освободительной борьбы болгарского народа в творчестве Ивана Вазова", "Основные черты развития польской культуры в пе-

риод освободительных движений", работы по культуре Чехии и Словакии, Югославии.

На кафедре новой и новейшей истории под руководством проф. Песчаного Д. Г. подготовлена и защищена в 1990 г.

кандидатская диссертация З. Лакербая о противоречивости и процессах культурного сотрудничества СССР и Болгарии.

Студенты факультета в рамках научного общества студентов на протяжении нескольких лет разрабатывают мало исследованные проблемы славянской культуры и итоги их работы заслушиваются на ежегодных студенческих научных конференциях. Таким образом, обращение к проблемам развития славянской культуры, их исследование и использование в учебном процессе является вкладом в великое дело, начатое Солунскими братьями и продолженное их учениками и последователями, упорно боровшимися с врагами славянской культуры за торжество славянской письменности, славянской культуры.

Е.Л. Валева (Москва)

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА

Новые социально-политические условия, сложившиеся в Болгарии после 9 сентября 1944 г., привели к глубоким переменам во всей духовной жизни общества. Перед пришедшим к власти правительством Отечественного фронта всталла задача создания не только экономических, но и идеологических и культурных основ нового строя.

Задачи осуществления так называемой "культурной революции" и превращения марксизма-ленинизма в господствующую идеологию были поставлены на У. съезде Болгарской коммунистической партии в 1948 г. Однако фактическое их решение началось еще раньше, в 1944-1948 годах, когда реорганизация культурной жизни страны проводилась на базе программы ОФ, ведущую роль в котором играла компартия. Таким обра-

зом, распространение идеологии научного коммунизма становилось делом не только целенаправленной политики компартии, но и всей государственной политики.

Система государственного патроната над культурой, сложившаяся в конце 40-х годов, имела как положительные, так и отрицательные стороны. С помощью государства была создана широкая сеть библиотек, музеев, театров и домов культуры, что позволяло значительным слоям населения общаться к достижениям национальной и мировой культуры. Но одновременно существенно ограничивалась свобода творчества людей искусства. И литература, и театр, и изобразительное искусство были призваны новой властью содействовать воспитанию народа в духе социалистических идей. Тоталитарный режим постепенно охватил все сферы человеческой деятельности. В 50-е годы господствующим направлением в искусстве стал так называемый социалистический реализм. Особенно неблагоприятное влияние на духовную жизнь болгарского общества периода 1949-1956 гг. оказал культ личности В. Червенкова.

70-е годы характеризовались значительным укреплением материальной базы болгарской культуры, поскольку именно в этот период режим Т. Живкова приобрел черты парадности и блеска. Однако при этом тоталитарный режим продолжал направлять развитие культуры в нужном ему направлении, малейшее отклонение от которого строго каралось. Творческие процессы в разных сферах культуры осложнялись волевым давлением партийной верхушки, присвоившей себе право руководить литературой и искусством. Результатом такой политики явилась раздвоенность духовной жизни общества, породившая культуру сервильизма и культуру андерграунда.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

	Стр.
С.Е. Бернштейн (Москва). Паннонские жития святых Кирилла и Мефодия в контексте славяно-византийских отношений в конце IX в.	3
Л.Б. Карпенко (Самара). К вопросу о происхождении глаголицы	5
Е.М. Верещагин (Москва). Азбучные стихиры Константина Преславского в киевской служебной мине	7
М.И. Лекомцева (Москва). Статус оксюморонной фигурации в редакциях "Похвального слова Кириллу-Философу" Климента Охридского	9
Л.П. Жуковская (Москва). Фонетически не мотивированные дублетные рафемы в четвероевангелии царя Ивана Александра 1366 г.	10
А.С. Новикова (Москва). Преславская лексика в древнерусских списках Евангелия	12
А.В. Липатов (Москва). Кирилло-методиевская традиция и истокипольской литературы. (Влияние латинского Запада и византийского Востока)	13
Ю.А. Лабынцев (Москва). Супрасльский список пропстренного жития Кирилла Философа 1580 г.	15
Л.В. Горина (Москва). Средневековая Болгария в Хронике Георгия Амартола и проблемы ее славянского перевода	17
И.И. Калиганов (Москва). О значении древнеболгарской письменности. Историко-культурные аспекты	19
Р.М. Нойтлин (Москва). Болгарские рукописи IX–XV вв. как источник исторической лексикологии	22
В.С. Ефимова (Москва). О синтаксической функционировании наречий в языке древнеболгарских рукописей	25
Н.В. Коссов (Москва). Отрицание и его текстологическая роль в евангельских текстах	27
Д.И. Полявинский (Иваново). Трансформация моделей болгарской духовной культуры в XV–XVI веках	29

	Стр.
Е.И.Лемина (Москва). О предвозрожденческих явлениях в болгарской культуре XVI – первой половины XVIII вв.	31
Г.Л.Клепикова (Москва). Отражение евангельских мотивов в новоболгарских дамаскинах XVII в.	34
И.В.Платонова (Москва). Болгарская письменность XVII в. как предмет лингвистического изучения. Влияние жанра на нормированность литературного языка	37
Е.А.Сорокина (Москва). Состояние нормы употребления членных форм имени существительного в книжном болгарском языке XVII в. на народной основе	39
Е.В.Чешко (Москва). Роль социолингвистических и культурно-исторических факторов в истории литературного болгарского языка периода средневековья и проблемы периодизации	41
Г.К.Венедиктов (Москва). О месте традиционного литературного языка в движении болгар эпохи Возрождения за создание нового литературного языка	43
Л.Н.Смирнов (Москва). К вопросу об интердиалектной основе современного болгарского литературного языка	45
Б.В.Норман (Минск). Стремление как живой синтаксический процесс в болгарской речи	47
Е.В.Иванова (Санкт-Петербург). Экспрессивные синтаксические конструкции в болгарском языке	49
Г.В.Крылова (Санкт-Петербург). Омоформия в современном болгарском языке	50

Раздел II

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА, ФОЛЬКЛОР

Ю.И.Смирнов (Москва). Время болгарской народной культуры	52
Н.С.Шумада (Киев). Фольклор в этнокультурных процессах периода болгарского Возрождения	54
В.В.Усачева (Москва). Некоторые аспекты духовной культуры болгарского народа в эпистолярном наследии Кузмана Шапкарева	55
Г.И.Муртузалиев (Махачкала). П.А.Бессонов о роли фольклора в изучении болгарского хайдукского движения	58
В.З.Фрадкин (Царево). М.С.Дринов и развитие фольклорно-этнографических исследований на Украине	59

Т.Ф.Семенова (Москва). Отражение карпато-балканских миграционных процессов в болгарской обрядовой терминологии	61
Е.С.Чирьева (Москва). Терминология обрядовых лиц болгарской свадьбы (словообразовательные типы)	62
Т.Н.Молошная (Москва). Структура текста болгарской загадки	64
И.А.Седакова (Москва). Эпитет в болгарских пословицах и поговорках	66
Е.В.Соловьева (Москва). Проблема варьирования номинаций в болгарской диалектной фитолексике	68

Раздел III

**ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ, КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ**

Н.Н.Пономарева (Москва). Современная болгарская литература: творчество и политика	70
В.А.Захаржевская (Киев). Гармония или диссонанс искусств в художественном мире Болгарии XX ст.? (Взаимоотношение литературы, живописи и кино).	72
М.Г.Чемоданова (Москва). К вопросу о полилингвизме болгарских писателей эпохи Возрождения	74
В.В.Николаенко (Москва). Об идеальном образе Болгарии в литературе рубежа XIX–XX веков	76
Л.И.Тарасова (Санкт-Петербург). Человек и среда его обитания. Проблематика "город – село", "человек – природа" в интерпретации болгарской прозы 1970–1980-х годов	77
И.П.Садовская (Санкт-Петербург). Особенности освещения исторического дела славянских просветителей на болгарском экране	79
Н.В.Мухина (Киев). Творческие контакты театров Украины и Болгарии в 70-е – первую половину 80-х гг. XX ст.	81
А.О.Амельюн (Воронеж). Национальная катастрофа в общественном сознании Болгарии и России в эпоху Средневековья	84
О.А.Дубовик (Москва). Болгарская историческая мысль XVIII вв.	86
Б.Н.Билунов (Москва). Западники и болгарское национальное движение	88
О.В.Лошакова (Москва). История болгарской церкви в трудах М.С.Дринова и Е.Е.Голубинского (сравнительный анализ)	90
И.С.Грек (Кишинев). Болгарские просветители периода национального Возрождения в духовной жизни бессарабских болгар	92

	Стр.
Л.И. Степанова (Кишинев). Болгарское Просвещение первой половины XIX в. и формирование национальной культуры	94
Н.Н. Червенков (Кишинев). Одесское болгарское настоительство после освобождения Болгарии	95
Г.И. Чернавский (Харьков). Деятельность Г.Бакалова как историка и литературоведа в контексте его политической позиции (1905–1918 гг.)	97
Д.Г. Песчаный (Краснодар). К вопросу об оценке культурного взаимодействия славянских стран (Болгарии и СССР) в 40–50-е гг. XX в.	99
Н.Г. Зимина (Саратов). Болгария, мир и культура на Балканах (на материалах балканских конференций 1930–1933 гг.)	100
С.В. Потрашков (Харьков). Русско-болгарское взаимодействие в области воинской мысли: вклад Радко Димитриева	102
А.И. Митряев, С.И. Лиман (Харьков). Кирилло-методиевская проблема в трудах медевистов Украины XIX–XX вв.	104
Л.П. Лаптева (Москва). Профессор Московского университета М.И. Соколов (1854–1906) как исследователь болгарской письменности	106
Д.Б. Мельцер (Минск). Белорусско-болгарские культурные связи в 20–30-е гг. XX в.	107
Л.Д. Дубова (Харьков). Шаляпин в Болгарии	108
Ф.А. Узунколев (Санкт-Петербург). А.Т. Твардовский и болгарская культура	110
Е.Б. Бахтина (Воронеж). Василий Немирович-Данченко и общественность Болгарии	112
Н.И. Самойленко (Львов). Болгарская культура на страницах советской периодики (середина 1950-х – середина 1980-х гг.)	115
С.В. Страшнюк (Харьков). Из истории взаимоотношений Союзов писателей СССР и Болгарии (середина 60-х – первая половина 80-х гг. XX в.)	117
Г.И. Лепехина (Воронеж). Художественное творчество болгарской молодежи в годы Второй мировой войны как исторический источник	119
З.Г. Вартаньян (Краснодар). Вопросы славянской культуры в учебном процессе Кубанского Госуниверситета	121
Е.Л. Валеева (Москва). Духовная жизнь болгарского общества в условиях тоталитаризма	123

122092
R U